

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XXIII *).

Карачевъ. 1772 г.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней бытія нашего въ Николаевскомъ Ординскомъ монастырѣ близъ города Карачева, преосвященный не пробылъ безъ дѣла. Онъ, осматривая въ церкви благочинія, обрѣлъ рѣзной образъ св. Николая, которой былъ въ длину почти съ пол-аршина, а въ ширину по препорціи, и былъ изображенъ въ полномъ своихъ временъ архіепископскомъ облаченіи, то-есть: въ ризахъ, подризникѣ, спитрахилѣ, омофорѣ, въ митрѣ на головѣ, съ набедреникомъ на бедрѣ. Въ одной протянутой рукѣ евангеліе, а въ другой мечъ. Сей послѣдній былъ, безъ сомнѣнія, ревностнымъ знакомъ сего мирликійскаго пастыря, на защищеніе ученія евангельскаго. Но дѣло не въ символахъ и не въ позиціи, а вотъ въ чемъ:

Онъ весь былъ оспанъ мастерски жемчугомъ различной величины, дабы симъ удобнѣе различить одно одѣяніе отъ другого и живѣе изобразить складки или сгибы одеждъ. А митра, омофоръ, спитрахиль, евангеліе, и другія приличные мѣста, всѣ

*) См. «Русскую Старину» т., III, 1871 г., стр. 119, 247 и 395. На стр. 399-й, строка 1 снизу пропущены слова: Садорскаго, съ.....». Ред.

были наложены бриллиантами самой, — какъ говорили знатоки, — лучшей воды *).

Епископъ церкви Сѣвскія, нашедъ въ такомъ изображеніи и убранствѣ архіепископа церкви мирликійскія, велѣлъ его при себѣ очистить, какъ мать родила, а обнаженную деревянную рѣзбу поставить въ церковную ризницу для храненія, на манеръ вромской пятницы, поставленной подъ волокольною. (См. § XIV).

Изъ жемчуга и камня сдѣлалъ потомъ архіерей, пригнупа къ нимъ потребное количество, архіерейскую шапку, крестъ и панагію, — которыя, думаю, находятся и по нынѣ въ ризницѣ Сѣвской кафедральной церкви, ежели послѣ не случилось тамъ еще таковогожъ архіерея, который охотникъ обдирать и передѣлывать церковныя вещи.

Потомъ переѣхалъ въ городъ и остановился въ полковомъ домѣ, сдѣланномъ отъ города для полковника князя Долгорукова, квартировавшаго тамъ съ коннымъ полкомъ, а на ту пору отсутствовавшаго.

Въ городѣ преосвященный священнодѣйствовалъ въ разныхъ храмахъ, посвящая обыкновенно во священники и церковнослужители. Не нужно повторять, что трудъ сей сопровождается всегда какою-нибудь наградою.

Нескучный нашъ игумень отъ Палладій не отлучался отъ архіерея, забавляя его и всю компанію пріятными для всѣхъ шутками, да и благую онъ часть избралъ! ибо, попивая и покушывая, не обходился онъ и безъ подарковъ, какъ отъ преосвященнаго, такъ отъ помѣщиковъ и протчихъ, принимавшихъ у себя архіерея.

Комнатную архіерейскую компанію умножалъ еще собою Карачевскій помѣщикъ артиллеріи капитанъ Иванъ Осиповичъ Соколовъ съ отцемъ своимъ, священникомъ, тѣмъ самымъ, который въ запрошедшемъ 1770-мъ году, надъ Брянскимъ протопопомъ, получившимъ на архіерейскихъ именинахъ горячку, читалъ закликательныя молитвы.

Напоследокъ, его преосвященство, преподавъ городу Карачеву миръ и благословеніе, отъѣхалъ, аки второй Язонъ со зла-

*) Образъ сей — какъ тогда говорили — дала въ церковь вѣкая игуменья, по имени Ираида. Она была изъ какой-то знатной фамиліи. Помнится изъ фамиліи Воейковыхъ.

тымъ руномъ, или какъ Діонисій съ эскулаповою ризою и брадою *), къ вышесказанному капитану Соколову въ деревню, гдѣ принять былъ со всею свитою, какъ домашній гость, безъ дальнихъ церемоній, понеже въ продолженіе нашего путешествія капитанъ съ отцомъ и съ нами, а мы съ ними и съ Палладіемъ составляли одно семейство.

Сверхъ сего, было у преосвященнаго и другое намѣреніе, родившееся отъ внушенія ему капитаномъ Соколовымъ и женою его. Вслѣдствіе чего, и пробирался онъ въ домъ къ помѣщику, гвардіи капитану Андрею Ивановичу Касагову, въ родѣ своемъ послѣднему, о которомъ внушено преосвященному, что онъ, по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона, имѣетъ у себя турецкій гаремъ и держится обыкновеній златаго вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ **). Почему преосвященный часто проговаривалъ: «Гряди обрѣсти заблудшую ***) овцу и настави ее на путь правый».

Между тѣмъ, въ домѣ Соколова происходили у насъ пѣніе и лики. Мы часто пѣвали, такъ-называемую, «столповую греческаго распѣва херувимскую», которая еще и до нынѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ во употребленіи, и другую столповую же «напѣва кіево-печерской лавры». Когда пѣли первую, то командовали артиллеріи капитанъ съ отцомъ; а когда вторую, то брали первенство архіерей съ Палладіемъ и со мною, а они только подтягивали, подобно какъ мы въ первой. Само по себѣ разумѣется, что у насъ не было безъ примо и секундо, однакожь вообще хоръ нашъ не былъ удивительнаго совершенства, а особливо въ столповомъ русскомъ напѣвѣ, въ которомъ если бы употребить примо и секундо, то надобно испортить оригиналь.

Въ одну пору, только что мы распѣлись, и не успѣли еще

*) Учившіеся въ классахъ должны лучше знать, а мнѣ помнится, что одинъ изъ Діонисіевъ, государей Сиракузскихъ, пришедь въ капище, снялъ съ эскулапа золотую ризу, говоря, что «она лѣтомъ тяжела, а зимою не грѣетъ». Потомъ, отвязавъ отъ него же золотую бороду, сказалъ: «и отецъ твой Аполлонъ былъ безъ бороды». Мой архіерей не лучше поступилъ со святымъ Николаемъ.

Г. Д.

***) Въ подлинникѣ слѣдуютъ зачеркнутыя слова: «то есть онъ дѣлаетъ все то, чего ему хочется».

Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «погибшую».

Ред.

исполнить всего каждодневнаго порядка, какъ вбѣжавшій къ намъ Соколова слуга, запыхавшись доложилъ: «Касаговъ приѣхалъ».

Архіерей приказалъ тотчасъ всѣмъ заступить свои мѣста, оставилъ пѣніе и все что было въ рукахъ, дабы нуждающагося, но не требующаго исправленія гвардейца, не совратить собственнымъ примѣромъ еще больше съ пути праваго, или бы, по крайней мѣрѣ, не утвердить его въ настоящемъ его положеніи. На сей конецъ онъ, всвоча въ спальню, порядочно расчесался и опрыскался духами; на сей конецъ, — говорю я, какъ честный повѣствователь, — а не на тотъ, чтобы заглушить обоняніе арака; а Касаговъ, между тѣмъ занялся въ особомъ покое съ Палладіемъ. Палладій, поговоря съ нимъ малое время, вошелъ къ архіерею и донесъ, что Касаговъ дрожитъ, «очень примѣтно, что онъ вѣдаетъ о внушенномъ вашему преосвященству его поведеніи». Архіерей отвѣчалъ важно: «невѣжду страхомъ спасаютъ, отъ огня восхищающе». Потомъ вышелъ къ Касагову въ препровожденіи моемъ и игуменовомъ.

Касаговъ, по принятіи благословенія, сказалъ, что онъ за долгъ свой почелъ быть у его преосвященства, и—просилъ къ себѣ въ домъ, а преосвященный легко согласился къ такому дѣлу, которое и безъ просьбы намѣренъ былъ исполнить, почитая посѣщеніе свое долгомъ апостольскимъ и зная изъ опыта, что прошло уже то чорстовое время, въ которое пастыри словесныхъ овецъ не носили при поясѣ мѣди, и почитали временную нищету вѣчнымъ богатствомъ.

Въ Касаговѣ видѣлъ я человѣка тихословнаго и совсѣмъ не похожаго на такого буяна, какъ объ немъ говорено со стороны г-на Соколова. Росту онъ былъ средняго, сложенія слабого. Лицо имѣлъ круглое, хотя не сухое, однако блѣдноватое; лѣтъ съ небольшимъ 30-ти. Въ немъ видны были слѣды барина и надлежащаго воспитанія, но примѣтно было, что онъ въ разговорахъ силился припомнить то, что повидимому отъ неупотребленія позабылъ. Онъ отелаялся и отѣхалъ домой, а мы принались опять продолжать и обанчивать свои дѣла.

По прибытіи въ его село, преосвященный, по обыкновенію, — для отличныхъ церквей—пошелъ прежде всего, въ препровожденіи своего клира въ церковь. Церковь хотя была каменная,

но въ крайнемъ запущеніи и нечистотѣ. Священно и церковно-служители отъ взыскапія за сіе были свободны, потому что преосвященному внушено, якобы они отъ безпорядочнаго помѣщика загнаны до чрезвычайности. Но вопреки сему безпорядку, когда приблизились къ дому, господинъ Касаговъ встрѣтилъ гостя съ порядочною пушечною пальбою, съ учрежденныхъ у него батарей.

Обѣденной столъ былъ достаточенъ, но безпорядоченъ. Слуги его услужить не умѣли; примѣтили всѣ, но никто не зналъ, отчего хозяинъ за столомъ сдѣлался пьянъ. Преосвященный во все это время соблюлъ свою важность, пилъ очень мало и велъ бесѣду приличную доброму пастырю. Евангельская притча о заблудшемъ сынѣ, растворенная больше природнымъ ему велерѣчіемъ, нежели школьною риторіею, растрогала возлежащихъ на трапезѣ до того, что ихъ чуть бы не провляло до слезъ, если бы это было не за столомъ; одинъ только Касаговъ былъ ни тронутъ, ни равнодушенъ, ни твердъ, ни слабъ, ни веселъ, ни печаленъ, и для того, былъ онъ внѣ всѣхъ характеровъ *).

Пастырь, не говоря ни слова съ хозяиномъ съ самага приѣзда, всталъ изъ-за стола, приказалъ завладывать лошадей къ отъѣзду. Очень ясно, что на исправленіе совратившейся съ пути праваго души не много было употреблено труда. Однажѣ, хозяинъ, какъ будто поправляя пастырское нерадѣніе, двинулся просить его погостить; съ убѣдительными просьбами онъ не собрался, хотя и довольно уже протрезвился, рѣчь его была хладнокровна, вяла, медлительна. Когда же увидѣлъ, что преосвященный просьбѣ его не внимаетъ, — бросился въ другую комнату къ Палладію и Соколову съ прошеніемъ, чтобъ они помогли ему упросить преосвященнаго, по крайней мѣрѣ переночевать, ежели не болѣ. Они охотно взялись за то, чего **) ожидали отъ Касагова, но какъ преосвященный и на ихъ просьбу еще упорствовалъ, или притворствовалъ, то гвардеецъ нашъ грянулъ передъ нимъ на колѣни, и вспльчиво заговорилъ: «если ваше преосвященство у меня не заночуете, то я застрѣлюсь». Сіе краснорѣчіе убѣдило пастыря ночевать, который тогда же рекъ: «душу спасти, или погубити!»

*) Далѣе зачеркнуто: «натуральнымъ людямъ».

**) Зачеркнуто: «по согласію съ архіереемъ».

Когда архіерей, отужинавъ, легъ спать, и хозяинъ тоже, то мнѣ показалось еще рано, какъ и въ самомъ дѣлѣ было; я пошелъ въ комнату къ велегласному нашему итумну въ намѣреніи у него посидѣть, пока спать захочу. Тамъ нашелъ я Соколова съ женою и еще персоны съ четыре благороднаго люду. Лишь только я въ нимъ подъявился, то всѣ въ одно слово встрѣтили меня: «легѡеъ на поминѣ». Соколова жена, взявши меня за руку, сказала: «мнѣ давно хотѣлось съ тобою поговорить». Мы пошли подальше отъ всѣхъ и сѣли въ углу на софѣ *), а Соколовъ велѣдъ намъ не пропустилъ сказать:

«Смотри же, господинъ молодчикъ, не сведи жены-то моей съ ума!»

— Неизвольте опасаться, отвѣчалъ я, мы въ вашихъ глазахъ на этой софѣ все кончимъ, что намъ надобно будетъ.

Сей случайно-вырвавшійся двусмысленный отвѣтъ произвелъ во всѣхъ великой смѣхъ; а отецъ Палладій, радъ будучи оказіи, заигралъ въ свою лирическую трубу, а мы подъ симъ шумомъ начали нашъ разговоръ:

Г-жа Соколова. «Какъ вы думаете о здѣшнемъ господинѣ**) и о всемъ его домовствѣ?»

Я. Въ такъ короткую пору нельзя было ничего еще думать, сударыня! Однакожь, безъ дальнихъ замѣчаній, не трудно видѣть: старинный домъ, множество слугъ, и, что г-нъ Касаговъ очень не бѣденъ; но для порядка, какому надлежало бы быть въ большомъ и достаточномъ господскомъ домѣ, не достаеъ, мнѣ кажется, его самого.

Г-жа Соколова. «Вы видѣли все, что можно было видѣть. Я вамъ прочее дополню: Андрей Ивановичъ Касаговъ родился въ Петербургѣ. Покойная, неподражаемаго милосердія императрица Елисавета Петровна была ему воспріемницею. Въ бытность отца его тамъ по долгу службы, воспитыванъ онъ былъ прилично его роду и достатку. Оставшись по смерти отца, отпросился онъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ домовой отпускъ. Прибывъ въ этотъ отцовской домъ, въ которомъ мы теперь, и будучи въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, пустился онъ во всѣ пороки, въ какіе только можетъ завлечь себя недозрѣлая молодость, при пособіи худыхъ

*) Въмсто зачеркнутаго: «на канале».

**) Зачеркнуто: «хозяинѣ».

Ред.

Ред.

склонностей, имѣя при себѣ, вмѣсто дядьки, полную волю, богатство и множество служителей, готовыхъ исполнять желанія молодого господина. А это ужъ вѣдомое дѣло, что для большей части слугъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть молодого барина, обращающагося въ своевольствѣ. Онъ сдѣлалъ изъ своихъ людей съ пол-роты солдатъ, самъ ихъ обучилъ, самъ ими управляетъ, предводительствуетъ и жалуетъ въ чины. Не было бы порицательно, еслибъ онъ употреблялъ ихъ для собственной съ гостями забавы; но они употребляются имъ, или подъ именемъ его, его домоправителями въ обидѣ сосѣдей, въ наглости и притѣсненію людей беспомощныхъ, и даже самыхъ тѣхъ, которые у него въ гостяхъ бывають, почему никто уже у него изъ знаменитыхъ и благомыслящихъ людей никогда не бываетъ, ни его къ себѣ не принимаетъ. Онъ завелъ у себя гаремъ, наполнилъ его дѣвками разнаго состоянія. Въ числѣ ихъ находилась любимая его султаньша, сего села поповна, которую когда отецъ предпринялъ было освободить, то заплатилъ своею жизнію; ибо неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Всѣ объ этомъ ужасномъ злодѣяннѣ подозрѣвають, что попъ истребленъ по его приказанію, дабы не обличалъ явнаго его грѣха и не лишилъ бы любовницы. Но какъ нѣтъ въ семъ дѣлѣ истца и доказывателя, то злодѣйство можетъ быть навсегда останется закрыто, въ большей пагубѣ души его».

Я. Гдѣ-жъ этотъ его гаремъ, сударыня?

Г-жа Соболова. «Передъ приѣздомъ преосвященнаго онъ его распустилъ. Дай Господь Богъ, — тутъ она вздохнула, — чтобъ онъ по отъѣздѣ опять его не собралъ! Вотъ примѣръ жалкаго сиротства при великомъ изобиліи *)!»

Я. Что-жъ онъ, сударыня, за сирота, если онъ въ своемъ гаремѣ имѣетъ много нянекъ?

Г-жа Соболова. «И въ подлинну такъ!»

Я. Для чего-жъ, сударыня, въ командѣ его не требуютъ, если прошелъ срокъ домовому отпуску?

Г-жа Соболова. «Требованъ онъ былъ неоднократно и въ команду; но онъ, то болѣзными, то другими не дѣльными при-

*) Тогда еще не было дворянскихъ опекъ и опекуновъ, которые теперь, подъ своею священною должностію, нерѣдко оставляютъ питомцу въ наслѣдство разоренное имѣніе, неоплатные долги и на всю жизнь тажбу. Г. Д.

чинами отговаривался, пока наконецъ узнали о его сумасбродной жизни, и, по волѣ монаршей, не исключая изъ службы формально, забыли объ немъ, какъ объ мертвомъ, оставя навсегда въ теперешнемъ чинѣ, который данъ ему въ его малолѣтствѣ, въ знакъ милости покойной императрицы къ его родителю. И такъ, годовой его отпускъ продолжается лѣтъ съ 10-ть, да и кончится безъ сомнѣнія съ его жизнію. Ему теперь не болѣе 33-хъ лѣтъ. Посмотрите-жъ! Не представляетъ ли онъ старика, болѣзными отягченнаго, лишившагося крови и натуральной въ цвѣтушихъ лѣтахъ бодрости? а причиною тому любовныя дѣла и пьянство. Примѣтили-ль вы, каковъ онъ былъ за обѣдомъ? таковъ онъ и день и ночь! Стола ни обѣденнаго, ни ужиннаго у него не бываетъ. Лишь только онъ проснется, то подадутъ ему чайную чашку любезнаго его напитка, котораго онъ называетъ чефъ рась, и который на какую-то траву настоянъ простою хлѣбною водкою. Около полудня поднесутъ ему на тарелкѣ двухъ жареныхъ воробьевъ. Рѣдко случается, чтобъ онъ ихъ обѣихъ съѣлъ. Вотъ весь его столъ! и я при всякомъ съ нимъ свиданьи умножаю болѣзнь моего сердца, видя жизнь его—Богу противную и людямъ несносную, и въ такомъ разстройствѣ со дня на день очевидно во гробъ его влеущую».

Я. «Ваше чувствительное разсужденіе, сударыня, дѣлаетъ честь вашему сердцу. Однако-жъ, судя по каждадневнымъ зрѣлищамъ, много на свѣтѣ требующихъ исправленія; но ихъ всѣхъ ни исправить, ни оплакать нельзя, если они сами о себѣ возне-радѣютъ».

Г-жа Соколова. «Да! Я васъ и не предувѣдомила! Онъ мнѣ свой доводится. И хотя свѣдство наше не ближнее, однако-жъ ближе меня нѣтъ никого, потому что онъ послѣдній въ родѣ; почему и надлежало бы мнѣ быть наслѣдницею его имѣнія, но онъ и помыслить объ этомъ не хочетъ. Та-та причина и побудила насъ согласить преосвященнаго къ посѣщенію его дома, дабы его преосвященство пастырски его наставилъ на истинный путь. Мы, съ помощью отца Палладія, нѣсколько уже предувѣдомили о семъ преосвященнаго. Вы, мой голубчикъ, жизнь моя! имѣете случай раньше всѣхъ завтре быть у его преосвященства. Не позабудьте ему внушить, что вы отъ меня слышали».

Такимъ образомъ я, дослушавъ жалостливую рѣчь, составленную на тотъ конецъ, чтобы добродѣтельной боярынь съ мужемъ быть наслѣдницею имѣнія послѣдняго въ родѣ, увѣрилъ ея нѣжность, что «я за счастье почитаю, сударыня, услужить вамъ; всякое ваше препорученіе, легко мнѣ исполнить. Но» — при выговореніи *но*, боярыня примѣтно покраснѣла, хотя это было и при свѣчи; а я, совѣстясь не проговорился-ли чѣмъ, пришелъ также въ замѣшательство, — быть можетъ, что мое *но* къ чему-нибудь бы и послужило; но мнѣ въ тѣ поры, кромѣ простыхъ наружныхъ замѣчаній, ничто постороннее ни въ голову, ни въ сердце не входило, потому, что изъ монастырскихъ жителей, хотя и бываютъ иногда добрые и богобоязливые люди, но въ любовныхъ дѣлахъ всѣ вообще великіе невѣжи, отъ архіерея до звонаря. Между тѣмъ, намъ подносили, и мы, — кромѣ боярыни, — по возможности, пили. Наконецъ, я пошелъ на ночлегъ, повторивъ напередъ боярынь увѣреніе, непременно оклеветать Касагова, дабы послѣ сего, имѣя что прощать, скорѣе принудить его къ признанію наслѣдницею госпожу Соколову.

Она была изъ фамиліи Касаговыхъ; будучи дѣвицею, влюбилась въ поповича Соколова, когда онъ въ домѣ ихъ обучалъ дѣтей читать и писать, съ которымъ такъ скрытно обвѣнчалась, что не прежде о томъ узнали, какъ уже мать вознамѣрилась выдать ее за молодого дворянина. Тогда она безбоязненно открыла, что уже имѣетъ мужа, съ которымъ вѣнчана. Старуха, натурально, потревожилась и въ первомъ движеніи гнѣва изгрызла бы мужа и жену зубами, но на Руси вѣнецъ, дѣла консисторскія, равно какъ у католиковъ *matrimonia consumata*, имѣютъ свою силу и дѣйствіе. А Соколовъ былъ уже артиллеріи сержантомъ, и находился въ С.-Петербургѣ при канцеляріи фельдцейхмейстера графа Шувалова, у котораго отецъ его, Соколовъ, будучи полковымъ священникомъ, былъ духовникомъ; все это совокупно содѣлало «бракъ честнымъ и ложе непорочнымъ» *), вслѣдствіе чего и мать нашлась матерью дѣтямъ; а Соколовъ происходя чинами, по милости духовнаго сына его отцу, вышелъ наконецъ въ отставку, съ чиномъ артиллеріи капитана, и жилъ въ деревнѣ съ женою, которую онъ приобрѣлъ трудами

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «ложе несквернымъ».

за ученѣ *). Сосѣди его, древніе дворяне, хотя не были ему непріятельми, однакожь судили о немъ такъ, какъ судятъ мои соотечественники о часахъ, стальныхъ вещахъ, и проч.: «хороши! говорятъ они, однакожь не англійскія и не французскія». Равно и тѣ говорили: «Онъ умный малый, да жаль что поповичъ». Подобно сему, старинные поляки говаривали отъ чистаго сердца: «что-жь! что Кіевъ имѣеть много святыхъ! Да они не изъ шляхетства». — Prostóta.

Полуночь, только-что проснувшись, но еще утопающему въ пуховикѣ за спасеніе душъ пастырю, старался я докладъ мой сдѣлать случайнымъ, что называется: «къ рѣчи пришло».

Я началъ съ партретовъ **), представляющихъ во весь ростъ нашего хозяина и его дѣда, кои были въ нашей горницѣ. Дѣдъ написанъ былъ съ лысиною, почти до затылка, съ бородою сивою, клинообразною, и не очень долгою, въ длинномъ кафтанѣ русскаго стариннаго покроя, темнопесочнаго цвѣта, застегнутомъ во все брюхо, большими въ одинъ рядъ, шаровидными желтыми пуговицами, въ красныхъ сапожкахъ, и стоялъ натурально; а внукъ съ низенькимъ тупейчикомъ, припудренъ сѣдѣе своего дѣда, въ гвардейскомъ зеленомъ мундирѣ, стоялъ въ четвертую позицію, съ шляпою въ рукахъ.

Смотря на нихъ, заговорилъ я преосвященному, что: «различіе ихъ кафтановъ не дѣлаеть ихъ различными въ образѣ жизни».

Архіерей. А почему?

Я. — «Я слышалъ отъ его домашнихъ, что дѣдъ его скончался отъ любовнаго болѣзни, такъ — внуку и непростительно уже не быть похожу на своего предка». Словомъ, я, пересказавши все, что слышалъ отъ боярыни, и не щадя ни живыхъ, ни мертвыхъ, — хотя и зналъ наизусть всѣ десять заповѣдей — прибавилъ еще, что мнѣ на умъ вошло, по обыкновенію архіерейскихъ велейниковъ, за то, что Касаговъ не старался сдѣлать наслѣдницею своего имѣнія госпожу Соколову съ мужемъ, и что угощалъ насъ отъ всего сердца, какое онъ имѣлъ.

«Не знаю, сказалъ архіерей выслушавъ мой докладъ, что мнѣ съ этимъ извергомъ дѣлать! чуть ли я не отлучу его отъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «трудами причетническими за ученѣ». Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «картинъ».

сословія православныхъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незазорное и благочинное». Но по выходѣ изъ спальни и послѣ чаевъ, кофіевъ, подана была закуска; за нею слово — за слово, о стороннихъ матеріяхъ; потомъ, послѣдовалъ обѣдъ; послѣ обѣда повторяемо было то же, что передъ закускою, передъ обѣдомъ и за обѣдомъ. Не видали какъ прошелъ маленькій день, и явился вечеръ. Къ вечеру зажженъ былъ фейерверкъ, сдѣланный собственными его людьми. И хотя я потомъ въ жизни моей видалъ многократно лутчіе и безпримѣрно богатѣйшіе фейерверки, но никогда уже не случилось видѣть, чтобы каждая штука выгорала такъ совершенно и безостановочно, и чтобы между догараніемъ одной и зажиганіемъ другой штуки не проходило ни секунды празднаго времени. Ужинъ и почти вся ночь прошли не въ скукѣ.

Назавтра, Касаговъ поутру вывелъ свою армію, состоящую человекъ изъ 24-хъ и командуя оною самъ, на широмъ своемъ дворѣ, производилъ свои маневры и сильной ружейной огонь. Архіерей и всѣ гости смотрѣли изъ оконъ и съ крыльца на сію эволюцію капральства, а Касаговъ, по воинскому артикулу, подходилъ къ архіерею для принятія приказовъ, архіерей же въ семъ случаѣ заимствовался наставленіемъ отъ капитана артиллеріи и отца его, бывшаго полковаго попа.

Потомъ, во время обѣденнаго стола, производилась на дворѣ за здоровье пьющихъ пушечная пальба, почти непрерывно. На послѣдокъ, хозяинъ, одаривши архіерея и всѣхъ находившихся въ его свитѣ вещами и деньгами, а меня однимъ имперіаломъ и дорогимъ турецкимъ ружьемъ, и отпустивши гостей пьяныхъ слишкомъ, остался по прежнему съ своимъ чефрасомъ и съ поповною.

Спустя мѣсяца четыре послѣ нашего отъѣзда, Касаговъ умеръ. Соколовъ предпринималъ вступить въ наслѣдство принадлежащаго ему по женѣ. На сей конецъ поѣхалъ онъ въ Петербургъ; тамъ онъ безъ труда приобрѣлъ благодѣтеля, господина Самойлова, Николая Борисовича, который былъ тогда сенаторомъ и временщикомъ по связи родства съ тогдашнимъ славнымъ счастливецемъ княземъ Потемкинымъ *).

*) Николай Борисовичъ Самойловъ, тайн. совѣтникъ, сенаторъ, былъ женатъ на старшей сестрѣ кн. Г. А. Потемкина Маріи Александровнѣ. — Это

принялъ Соколова въ Петербургѣ на все свое содержаніе, возилъ его съ собою по большимъ домамъ, рекомендовалъ его какъ человѣка достойнаго покровительства, которой ему по женѣ доводится свой. Послѣ оглашенія, что Соколова жена Самойлову родня — чему и самъ Соколовъ былъ свидѣтелемъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что быть въ свойствѣ съ большимъ бариномъ льстило его суетности — Самойловъ получилъ по Касаговѣ наслѣдство, состоящее изъ хорошихъ и достаточныхъ деревень, съ господскимъ домомъ, со всѣми къ нему принадлежностями и важною движимостью, а Соколовъ возвратился домой съ надеждою, что онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества получитъ предсѣдательское мѣсто въ верхнемъ земскомъ судѣ *).

§ XXIV.

Продолженіе возвратнаго путешествія.

1772—1773.

Соколовъ и Палладій отправились по домамъ, а мы, «творя извѣстнымъ званіе и избраніе преемничества апостольскаго», захали того-жъ уѣзда въ село Крето-во — на пути, ведущемъ въ Сѣвскъ, къ помѣщику отставному гвардіи секундъ-майору Евтиху Ивановичу Сафонову, въ тому самому, о которомъ я говорилъ подъ § VII-мъ. Сей Сафоновъ давно уже велъ съ архіереемъ бранную переписку за то, что онъ желалъ выгнать изъ своего села поца за его грубости, а архіерей тому препятствовалъ.

Подѣхавъ подъ крыльцо дому, архіерей остановился, лежа въ дормесѣ духовнаго колибра **). Хозяинъ вскорѣ показался въ халатѣ тѣлеснаго цвѣта и въ туфляхъ. Онъ былъ росту выше средняго, довольно тученъ, видъ имѣлъ барина въ старинномъ форматѣ. Скудоволосая, сивобѣлая маленькая коса перетянута цнуркомъ при самомъ затылкѣ. Архіерей межъ подушками спросилъ его — довольно громкимъ голосомъ: «что ты за человѣкъ?»

отецъ знаменитаго генералъ-прокурора и государственнаго казначея Александра Николаевича Самойлова († 1812 г.). Дочь Николая Борисовича — Ека-терина была въ замужствѣ за героемъ 1812 г. — Раевскимъ. Ред.

*) Повѣствованіе самого Соколова.

Г. Д.

***) Это было около 3-го часа пополудни, слѣдственно давно послѣ деревенскаго и монастырскаго обѣда, или послѣ столичнаго завтрака. Г. Д.

«Я здѣшній хозяинъ», — отвѣтствовалъ старикъ твердымъ голосомъ.

Архіерей. Ты Евтихъ Сафоновъ?

Сафоновъ. «Я Евтихъ Сафоновъ».

Архіерей. А почему ты осмѣливаешься надписывать ко мнѣ на пакетахъ: «его преосвященству отцу Кириллу»? Будто бы къ своему попу! Развѣ ты не знаешь архіерейскаго титула?

Сафоновъ. «А какъ же тебя назвать? Вѣдь ты мой отецъ, а я твой сынъ, то я такъ къ тебѣ и пишу. А другихъ титуловъ между нами я не знаю».

Архіерей. А! ежели такъ, будь же ты мой сынъ! вотъ тебѣ — протягивая руку — мое отеческое благословеніе. Пиши ко мнѣ и впредь такъ, какъ писалъ: не перемѣняй своей формы.

По семъ странномъ переговорѣ, сынъ отца вытаща изъ колыбели *), пошли вверхъ по дурной широкой лѣстницѣ, въ огромные, дурной архитектуры хоромы, которые снаружи представляли старинной боярской, бревенчатой и необитой домъ о двухъ жилищахъ, а внутри изобильной, какъ полную чашу.

По первомъ простомъ и чистосердечномъ привѣтствіи, хозяинъ представилъ преосвященному своего сына, лѣтъ около 23-хъ, и изъяснилъ такъ: «Чувствую изнеможеніе силъ, для того и выпросилъ я въ отпускъ изъ Петербурга сына моего. Онъ прежде служилъ пажемъ при дворѣ, а нынѣ служить гвардіи офицеромъ. — Отецъ мой! Не забудь! помяни меня во время приношенія безкровныя жертвы. Погреби мой бранный трупъ. А ты, Иванъ Евтиховичъ — взглянувъ на сына — дай тогда знать преосвященному, какъ я умру».

У нѣжнаго сына — при цѣлованіи руки у отца и у архіерея, — слезы градомъ покатались.

Хотя рогъ изобилія и Церера хозяину по именамъ не были извѣстны, однакожъ они въ его домѣ обитали во всемъ своемъ могуществѣ. Правда, хозяинъ не дошелъ до изящнаго вкуса, а потому и не имѣлъ у себя ни капельмейстера, ни балетмейстера, ни фейерверкемейстера, ни кухмейстера, ни шталмейстера, ни гофмейстера, ни иллюминацій, ни душистыхъ помадъ, ни шампанскихъ, ни венгерскихъ, ни бургонскихъ, ни англійскихъ (винъ) —

*) Вмѣсто зачерин.: «колесницы».

кои нерѣдко бываютъ очень яснымъ *) таинствомъ плоти и крови измученныхъ **) крестьянъ; — не было у него и аранжерей, для украшенія которыхъ иногда дорого покупается персикъ и абрикосъ, чтобъ наткнуть его на шпильку при деревѣ; но —

все его изобиліе изъ собственной домашней экономіи состояло не въ блестящихъ важностяхъ ***), но въ русскихъ бездѣлкахъ: у него было множество разнаго въ зернѣ и въ снопахъ хлѣба; полна пространныя конюшня лошадей разныхъ породъ, коихъ онъ имѣлъ свой заводъ; полны свѣтлые дворы скота и кладовыя — всякихъ мелочей, какъ-то: холста, суконъ, кожъ, воску, меду, масла коровьяго, воноплянаго и проч. — вся такая не малоцѣнная громада составляла годового прихода. Къ сему принадлежитъ превеликой подъ его хоромами погребъ, хранящій отъ временъ, покрытыхъ неизвѣстностію, разномѣрныя бочки, боченки, бутылки, бутылки, и дополняемый ежегодно, да живетъ безконечные вѣки, во славу и хвалу сотворшаго и назидающаго его. Тамъ, при нѣкоторыхъ стѣнахъ ****), на перекладахъ, сдѣланныхъ на укрѣпленіяхъ, на подобіе наръ, отъ низу вверхъ до половины стѣны, а въ нѣкоторыхъ, въ сдѣланныхъ искусствомъ впадинахъ, на подобіе кievскихъ пещеръ, помѣщены разнаго сорта водки, разныя наливки и меды, превратившіеся отъ времени, почти въ непонятныя, но полезныя и винообразныя вкусы — а бѣлое его съ игрою пиво превосходитъ всѣхъ пивъ англійскихъ и нѣмецкихъ.

Въ сей-то бахусовъ храмъ, владыка дома, храня древнее свое обыкновеніе, завелъ на другой вечеръ угощенія, нашего владыку со всѣмъ его клиромъ; гдѣ учрежденной на таковыя случаи серебряной вызолоченой ковшъ, отвѣдавъ изъ нѣсколькихъ бочонковъ, далъ себя почувствовать всѣмъ вкушавшимъ отъ него, и былъ причиною, что архіерей задѣлъ словомъ хозяйскаго сына, которой съ ковшомъ не знакомился. Молодой человекъ почувствовалъ во всей силѣ, что онъ гвардіи офицеръ, и далъ объ этомъ знать архіерею въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ. Потомъ изъяснилъ, что неограниченная любовь, почтеніе и ува-

*) Въ мѣсто зачеркн.: «понятнымъ».

**) Въ мѣсто зачеркн.: «умученныхъ».

***) Въ мѣсто зачеркн.: «бездѣлкахъ».

****) Въ мѣсто зачеркн.: «около стѣны».

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

женіе*) къ его родителю, удерживаютъ его въ границахъ терпѣнія. Далѣ сдѣлался съ архіереемъ на французскомъ языкѣ; архіерей, которому повидимому отъ гвардейца приходило въ туцїеъ, просилъ старика отца войти въ посредничество къ примиренію. Старый Сафоновъ сказалъ сыну: «Иванушка! оставь. Самъ старъ будешь, послушай меня старика». Сынъ бросился въ слезахъ цѣловать отцовскія руки, потомъ архіерейскія; потомъ всѣ трое перецѣловались. Потомъ, давно дожидавшійся ковшъ возобновилъ походъ форсированнымъ маршемъ. Потомъ архіерей, яко проповѣдникъ мира и непріятель тишины и спокойствія, напалъ на миротворца хозяина, за то, что тамъ на стѣнѣ усмотрѣлъ онъ образъ какого-то святаго, котораго, по мнѣнію архіерейскому, страдала святость въ погребу. Хозяинъ имѣлъ терпѣніе выслушивать и переносить все въ молчаніи. Но когда архіерей возопилъ: что «велитъ во всѣхъ бочонкахъ дни повывивать»; тогда хозяинъ, какъ будто проснувшись, закричалъ во свою очередь изо всей силы: «Да кто тебѣ дастъ? знаешь ли, что я въ домѣ господинъ? ты имѣешь власть вязать меня въ церкви, а я тебя свяжу въ моемъ погребу».

Архіерей не помедлилъ защититься священнымъ текстомъ: «Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ», хотя это и по захожденіи уже солнца происходило. Въ знакъ примиренія, архіерей получилъ бочку наливки, несмотря на то, что подвластныхъ поповъ за подобныя въ подрывѣ откупа матеріалы разстригалъ, хотя они ихъ и пакупали.

Хозяинъ и гость не были въ силахъ ужинать. А по утру, хозяинъ, въ залогъ христіанской къ архіерею любви, снялъ съ себя золотой крестъ, который носилъ отъ юныхъ лѣтъ, и надѣлъ на архіерея. А архіерей обязался, по приѣздѣ въ Сѣвскъ, первымъ для себя поставить дѣломъ и долгомъ, сдѣлать для Сафорова новый, съ приличною надписью, и доставить или возложить на него во утверженіе пріязни и братства. Послѣ вкуснаго обѣденнаго стола, мы отправились въ Сѣвскъ.

По приѣздѣ, посѣтилъ преосвященнаго воевода Пустошенинъ въ тотъ же вечеръ, съ прочими чиновниками. Отъ него услышали мы съ патріотическимъ удовольствіемъ, что отъ правитель-

*) Въмѣсто зачеркн.: «повиновеніе».

ства послѣдовало уже обнаруженіе о присоединеніи Бѣлорусскаго края къ имперіи россійской. Я не могъ тогда и помыслить, чтобы Бѣлоруссія когда-нибудь стала моимъ обиталищемъ, въ которой я теперъ пишу мою исторію.

Союзомъ любви и братства Сафонова преосвященный не долго пользовался. Мѣсяца чрезъ полтора прибѣжалъ нарочный отъ сына съ извѣстіемъ, что отецъ перешелъ въ царство безсмертныхъ, и съ прошеніемъ о погребеніи его по сдѣланному завѣщанію. Преосвященный сильно опечалился *), съѣздивъ, похоронилъ, сказалъ надгробное слово; фамилія пожелала его имѣть. Я по дозволенію списалъ, мнѣ за то заплатили, а архіерею и всему его штату—за всѣ труды и подвиги, и мы возвратились тою же дорогою. Не помню, далъ ли преосвященный на память сыну крестъ, по силѣ сдѣланнаго съ отцемъ его обязательства.

Сохраняя сколько можно порядковъ времени, долженъ сказать, что въ сіе самое время, любезнѣйшій сердцу моему радогожской мой дѣдъ и воспитатель приѣзжаетъ и входитъ ко мнѣ раздѣлить свою печаль: весь его домъ и съ пожитками въ ночную пору сгорѣлъ. «Любезный мой внукъ — продолжаетъ онъ — все бы еще эта бѣда не бѣда! Но я не задолго предъ пожаромъ лишился и своей любовницы, которая, самъ ты знаешь, сколько и тебя присматривала, обмывала и лелѣяла, какъ своего родного».

— Что ей сдѣлалось дѣдушка?

— «Смерть ее похитила! Если что было мнѣ въ моей старости отрадою и утѣшеніемъ, то все уже съ нею умерло. И самъ я не тотъ уже твой дѣдъ, которой тебя съ горячею любовію воспитывалъ, но тѣнь уже его ты видишь предъ собою».

— Что тебѣ теперъ надобно, дѣдушка?...

— «Монастырь, любезный мой внукъ, монастырь, въ которомъ судьба завременно уже меня приучила».

Я доставилъ ему мѣсто въ Глинской пустынѣ, отстоящей отъ Глухова верстъ на 10-ть, въ которой онъ въ силахъ еще былъ не поладить съ настоятелемъ. А по сей причинѣ—согласно его желанію и моей при архіереѣ возможности—переведенъ былъ

*) Далѣе слѣдуетъ въ подлинникѣ зачеркнутая авторомъ приписка: «ежели можетъ печалиться или радоваться человекъ находящійся подъ запрещеніемъ вкушенія всѣхъ въ одномъ пунктѣ радостей и печалей, горестей и сладостей».

онъ въ Рыльскій, Николаевскій монастырь, гдѣ проживши съ годъ времени, умеръ. Тамошній настоятель архимандритъ Вонифатій Борейко увѣдомилъ меня о семь слѣдующимъ коротенькимъ письмомъ: «многія лѣты архипастырю нашему и тебѣ, другъ мой любезнѣйшій! А дѣдушка твой Богу душу отдалъ». Смерть его перенесъ я неравнодушно. Но описаніемъ моей жалости не нужно умножать моей исторіи. Я, не стараясь помнить, никогда уже не могу забыть его безмѣрнаго ко мнѣ доброхотства и любви. А между тѣмъ,

1773 г. Архіерей, будучи великой непріятель праздности, подвизаясь цѣлыя ночи за ужинымъ столомъ съ сестрою, съ матерью, съ нѣкоторою монастырскою братіею, приглашаемою по его приказанію, съ консисторскими членами, иногда же съ приглашенными изъ города юристами, продолжалъ цѣніе, питье, разговоры, крики, задачи, силлогисмы, стихописаніе, игру на гусяхъ, и—если угодно—польскій танецъ, которому былъ великій мастерище выше упомянутый мною Рыльскій архимандритъ Вонифатій Борейко, бывшій прежде базиліаномъ, слѣдовательно урожденный для танцовъ полякъ. Такимъ образомъ убивая время, вспало единожды его преосвященству на умъ, написать для забавы пріятелю своему, сѣвскому воеводѣ Пустошвину, у котораго онъ часто обѣдывалъ, ругательной кантѣ. Онъ начинается такъ:

Здравствуй, храбрый молодецъ,
 Виждь, что чести есть ковецъ.
 Грудью достаютъ то многи
 Смертной не страшась дороги,
 Чтобъ отечеству служить,
 И за то чинъ получить и проч....

.....
 Вздумалъ паки наконецъ,
 Чтобы въ службѣ не былъ льстецъ,
 Патріота вдругъ личину
 Принялъ *), чтобъ найти причину
 Человѣкомъ слыть честнымъ,
 Въ штатской службѣ сталъ инымъ и проч....

Я столько его написалъ, сколько могъ припомнить. Для понятія же, каковъ онъ былъ весь, довольно и этого.

Можетъ быть это потребуетъ симъ стихамъ перевода или

*) Видѣсто зачеркн.: «вздумалъ».

толкованія. Ну, да какого тутъ перевода или смысла желать, когда что пишется за ужинымъ, протяженнымъ на цѣлую ночь столомъ? Довольно, если рѣмы хороши, и нѣтъ ни одной полубогатой. Что же касается до меня, то я доволенъ былъ случаемъ положить его на ноту. Хоръ пѣвчихъ его воспѣлъ. Кантъ былъ неподобной, это правда. Кантъ былъ хорошъ, это неправда. Какъ бы то ни было, мы его полюбили какъ свое рожденіе. Слушайте, слушайте въ чему дѣло идетъ, и чѣмъ оно кончится!—

Кантъ пѣвали за обѣдами и ужинами, и какъ случилось. Архіерейскому удивлялись сочиненію всѣ попы и протопопы, а меня хвалили за ноту. Кантъ, архіерей и я вошли уже во всеобщую молву, но изъ разныхъ состоящую мнѣній, о узнаніи которыхъ никто меньше не заботился какъ я. Слушайте-жъ, слушайте! такъ кричать въ англійскихъ парламентахъ.

Лекаръ городской, тотъ самой, которой меня послѣ горячки лечилъ кашницею съ курицею, схватилъ у архіерея, съ дозволенія его, кантъ, дабы воспользоваться изящнымъ сочиненіемъ. На завтра архіерей опомнился и послалъ меня въ городъ, возвратитъ отъ лекаря кантъ. Я встрѣтилъ его выходящаго изъ квартиры. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что пришлетъ кантъ, а теперь онъ идетъ въ Казанскую церковь въ обѣднѣ. «И я съ вами помолюсь».—

— Нѣтъ! За чѣмъ же вамъ дожидаться? Я тотчасъ пришлю послѣ обѣдни. — «Такъ вы теперь вернитесь».

Лекаръ перемѣнился въ лицѣ, однакожъ не вернулся. Въ церкви онъ еще два раза принимался меня увѣрять, что онъ пришлетъ послѣ обѣдни; но я, не желая возвратиться безъ исполненія зачѣмъ посланъ, достоялъ обѣдню, до конца. Возвратясь въ квартиру, лекаръ перевернулъ на столѣ свои каталоги, сеотской лечебникъ, календарь, приподнялъ связку бумагъ, тронулъ иготь, звякнулъ пестивомъ и сказалъ, что кантъ куда-то завалился, и что онъ его отыщетъ и самъ доставитъ къ архіерею. Я, возвратясь, донесъ обо всемъ архіерею. Онъ немного призадумался, а я не сомнѣвался, что кантъ у воеводы. Между тѣмъ лекаръ, недоволенъ будучи, что я, настоящимъ моимъ требованіемъ и неполученіемъ отъ него канта, открылъ въ половину его плутовство, сказалъ воеводѣ, что кантъ моего сочиненія, а не архіерейскаго; чему служить въ доказательство и рука, которою онъ писанъ, а нота подтверждаетъ. Архіерейской

же сестрѣ жалился, что я помѣшалъ ему въ церкви помолиться; сестра передала брату, а братъ мнѣ съ придачею, что я въ самомъ дѣлѣ не хорошо сдѣлалъ, что нарушилъ душевное спокойствіе человѣка молящагося. Это еще не конецъ. Кантъ леваръ возвратилъ; но вскорѣ послѣ сего воевода, мстя мнѣ за кантъ, увѣрилъ архіерея, что доноситель на него, Захарѣа, имѣеть со мною сношенія. Воевода былъ не дуракъ. Онъ зналъ архіерейскій недовѣрчивый и легковѣрный нравъ*). Примѣтя же изъ движеній архіерейскихъ успѣхъ своихъ возней, припомнилъ онъ и о кантѣ на мой счетъ, выставляя свидѣтелемъ леваря. Архіерей чистосердечно ему сказалъ, что это неправда, и что самъ онъ, архіерей, учинилъ сіе подъ веселое время и просилъ его, воеводу, простить ему дружески пастырское его дурачество **).

Дѣло на счетъ канта кончено, и я передъ воеводою правъ. Но гдѣ сыскать воеводѣ способъ признаться, что онъ меня, въ разсужденіи сношеній съ доносителемъ на архіерея, олеветалъ въ отмщеніе за кантъ? такъ и осталось! А архіерей въ такихъ случаяхъ любилъ вѣру и ей безпрекословно повиновался.

Я не знаю, чтобы онъ со мною сдѣлалъ? Но движенія его ничего добраго не предвѣщали. Казалось по всему, что онъ рѣшился меня распять, не предавая понтійскому Пилату игемону. Бѣгство праведника не разъ уже бывало на земномъ шарѣ, въ силу права природы, внушающаго тако: «бѣжка не хвалятъ, а съ нимъ хорошо».

Къ покоямъ нашимъ примыкался храмъ Божій. Я скрылся въ него предъ обѣдею подъ жертвенникъ, и тамъ лежа выслушалъ обѣдню. Это было на день архангела Михаила, т.-е. 8-го дня ноября. Я слышалъ какъ архіерей, взошедши на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ, затянулъ съ ними концертъ «Идеже осѣняетъ благодать твоя, архангеле, оттуда діаволя прогонится сила». По

*) Въмѣсто зачертви: «характеръ».

Ред.

***) Обо всемъ этомъ, спустя года полтора, самъ архіерей, будучи въ хорошемъ духѣ, мнѣ пересказывалъ, и мы по сему разсуждая, открыли одинъ другому глаза. Я долженъ сказать, что когда такой благотворной духъ на него находить, то представляетъ онъ особу, обворожающую каждого слушателя своимъ основательнымъ, краткимъ, чистосердечнымъ словомъ. Но сіе такъ рѣдко съ нимъ случается, что едва ли въ цѣлый годъ можно считать нѣсколькими часами.

Г. Д.

голосу и языку услышалъ я, что голова его преосвященства была уже слишкомъ полна благодати.

При окончаніи обѣдни, пономарь Назарій подыалъ занавѣсъ жертвенника для какой-то ему церковной надобности, и меня увидѣлъ. По окончаніи обѣдни, церковь и примыкающіеся къ ней боковые покои, чрезъ которые вошелъ я въ церковь и которыми надѣялся вытти, были заперты. Довольно ясно, что я святой арестантъ, и что пономарь Назарій прислужился предательствомъ меня. Большая въ окнѣ шибя найдена мною надежнѣе жертвенника, и справедливо: меня пришли взять въ чайни, что я ихъ буду дожидаться подъ жертвенникомъ. Но я уже покоился въ одной изъ стоящихъ въ каретномъ сараѣ каретъ, въ которой размышляя, не зналъ что придумать, а между тѣмъ, сѣдя уже слишкомъ сутки, ослабѣлъ и почувствовалъ жаръ. Въ такомъ положеніи я найденъ и представленъ въ архіерею, крайне уже, въ моему счастью, изнемогшему и страждущему отъ обыкновенныхъ подвиговъ. Мы оба были больны, только отъ разныхъ причинъ. Архіерей одолѣлъ сказать мнѣ, почти невразумительно:

«А! ты явился!» и тотчасъ заснулъ на стульяхъ, а я пошелъ въ свою комнату. Мнѣ пришли сказать, что тотъ пономарь Назарій, которой объявилъ обо мнѣ архіерею, и которой за упускъ меня вчера былъ взять подъ стражу, только-что теперь повѣсился. Я отъ тѣхъ поръ закаялся класть канты на ноту*).

Еще архіерей не проснулся, какъ принесли съ почты указъ отъ синода, чтобъ онъ отвѣтствовалъ во всемъ безпрекословно комиссіи, учрежденной по имянному повелѣнію, состоявшемуся на докладъ синода, поднесенный вслѣдствіе доноса дьячка Захарки, на которую наряжены: черниговскій архіерей Теофилъ, Гамалѣевскаго монастыря архимандритъ Антоній Почека, да двое свѣтскихъ, полковникъ и маіоръ, потому что и воевода привосновенъ былъ въ сей же комиссіи, вагается по тѣмъ преступленіямъ, что архіерей у него часто обѣдывалъ, и что принималъ отъ архіерея въ солдаты доносителя.

Доноситель-дьячевъ столько былъ расторопенъ, что успѣлъ уже доставить къ первому своему доносу прибавленіе объ обод-

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «а архіерей пить не закаявался».

раніи жемчуга и каменья съ образа св. Николая, изъ которыхъ архіерей будто-бы сдѣлалъ сестрѣ своей пряжки. Сіе послѣднее, хотя была глупо-ядовитая ложь, однакожъ надлежало на все отвѣтствовать и признаться въ ободраніи, и въ употребленіи на архіерейское церковное украшеніе, чѣмъ соблазнялась вся народная простота, и оскорблялся общій порядокъ.

§ XXV.

Другое время, другія и мысли.

1773—1774.

Архіерей, проснувшись и прочитавши указъ, — оставилъ все, бросился въ постелю. Коммиссія по приѣздѣ расположилась въ городѣ. Духовные коммиссіонеры имѣли вѣжливость предварить подсудимаго своимъ посѣщеніемъ; потомъ, чрезъ нѣсколько дней требуютъ его въ коммиссію, а онъ сказывается больнымъ. Коммиссіонеры, желая его посѣтить въ постели, пригласили съ собою *) городского лекаря; но лишь только показались къ нему въ келью, то онъ, увидя лекаря, выпрыгнулъ изъ постели и началъ имъ объяснять, что «онъ архіерей, а не мужикъ, и что ему должно вѣрить, если онъ сказывается больнымъ, а не свидѣтельствовать». Коммиссіонеры имѣли умѣренность сказать: что, «они пришли его посѣтить и пожалѣть о слабомъ состояніи здоровья его преосвященства». Архіерей стыдился уже признать себя больнымъ, потому что имѣлъ неосторожность громко и много говорить, скоро по покоямъ бѣгать и выгнать вонъ лекаря, котораго воротили уже изъ-за-воротъ водки пить.

Въ продолженіе коммиссіи, у архіерея моего возобновилась задумчивость. Я въ эту пору вздумалъ поучиться дѣлать фейерверки. А поводомъ къ сему былъ одинъ изъ отпущенныхъ на волю предъ смертью господина Касагова человекъ, который, получа свободу искать пристанища, явился ко мнѣ. Мы, или лучше сказать, одинъ онъ, надѣлали ракетъ, колесъ, фонтановъ и другихъ штукъ; мы не забыли связать и узелка изъ двухъ начальныхъ литеръ, знаменующихъ имя преосвященнаго: Кирилъ

Флоринскій: *К*. Все сіе дѣлано было въ особомъ отдаленномъ покоѣ и архіерею не было извѣстно. Въ самомъ параксизмѣ

*) Вмѣсто зачеркн.: «на завтра».

архіерейской задумчивости, я доложилъ ему, что у насъ передъ крыльцомъ радостные огни дожидаются приѣзда — которые тотчасъ и загорѣлись. — Онъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ. Задумчивость его пропала. А дабы она не возвратилась, велѣно подать — что Богъ послалъ — изъ погребцовъ или шкафовъ.

Случившіеся на ту пору домовый лекарь и сестра, которая не знаю почему-то подошла съ братомъ подъ одну комиссію, составили сосіетѣ — бесѣду.

По утру преосвященный далъ знать консисторіи, что онъ въ сей день будетъ въ оной своею особою присутствовать. Его ожидали тамъ съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. И не обманулись; ибо ежели благодѣяніе не есть дѣло маловажное*), такъ онъ произвелъ меня формально канцеляристомъ. Въ семъ случаѣ похожъ я былъ на того фельдцейхмейстера, который получаетъ орденъ за талантъ своего артиллеріи сержанта.

Служащіе въ консисторіи, соперствуя моему чину, приступили съ просьбами къ преосвященному. Они представляли, что давно вступили въ службу, ревностно трудятся, въ штрафахъ и наказаніяхъ не были, въ чемъ ссылаются на формулярные списки, и, того ради, просятъ произвести и ихъ канцеляристами. Архіерей имъ отвѣчалъ, что «произведеніе теперешняго канцеляриста не можетъ вамъ быть ни въ примѣръ, ни въ обиду, потому что онъ въ корреспонденціяхъ моихъ былъ и есть у меня правою рукою.» Справедливъ этотъ отказъ или нѣтъ, получившій давшаго не судить, и это было, есть и будетъ: кого хотять наградить, заслугу сыщутъ, — кому хотять отказать, резолюція готова, а для меня неоспоримо то, что полезнѣе дѣлать фейерверки, нежели канты класть на ноту.

И тако проходили часы, дни, недѣли, мѣсяцы цвѣтущей моей юности, какъ наступилъ и 1774-й годъ.

1774 г. Вышесказанная прибывшая комиссія, ни должности преосвященнаго не уменьшила, ни свободы его не связала. Почему въ самую лучшую лѣтнюю пору отправился преосвященный — Путивльскаго уѣзда въ слободу Терны, для посѣщенія г-на Сафонова, сына того порядочнаго — но уже скончавшагося — отца, о которомъ говорено въ 1770-мъ году моего повѣствованія.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «есть истинное добро».

На пути заѣхали въ Глуховской Петропавловской монастырь, въ которомъ пребывающій на пенсіи и управляющій монастыремъ епископъ Анатолій Мелесъ, въ почестъ гостю приказалъ звонить въ колокола и палить изъ можжиръ, а самъ встрѣтилъ его на крыльцѣ, въ китайчетомъ халатѣ цвѣта вороньяго крыла, съ непофривенною главою и босикомъ. Онъ прежде всего изъяснился, что хотя онъ и монахъ, но священнодѣйствуя въ прошедшую противъ турокъ войну на хребтахъ корабельныхъ, привыкъ къ пороху и къ пушечному грому. Гость отвѣтствовалъ: «я былъ въ Парижѣ при послѣ, куда военные громы не досызали, таеъ у меня въ домѣ нѣтъ ни пушекъ, ни можжировъ». Послѣ сего вояжиры наши пошли въ покои къ обѣденному столу. Мой архіерей также раздѣлся, однаковъ не разувался. На другой день распрощались и мы выѣхали въ Путивль. Въ Путивльскомъ-Молчанскомъ монастырѣ переночевавъ у добраго хозяина игумена Мануила Левицеаго, взяли и его съ собою въ Терны, куда и прибыли подъ вечеръ.

Новой молодой владыка Терновъ съ деревнями, встрѣтилъ преосвященнаго передъ слободою въ каретѣ. Онъ былъ лѣтъ 22-хъ, роста средняго, круглолицъ, полонъ, бѣлъ, нѣженъ, хорошъ собою и жиренъ. Екипажи наши поставлены на гостинномъ дворѣ, и комнаты для архіерея и всего штата отведены тамъ же. Послѣ хорошаго ужина легли спать, и надѣялись, что завтра для насъ будетъ еще лучше *).

Возставше отъ одра и сна, увидѣлъ я, что въ господскомъ домѣ тѣже были люди и вещи, которыхъ я видѣлъ и при отцѣ, но не было никого и ничего на своемъ мѣстѣ, и все казалось безъ души. Послѣ чаевъ и кофіевъ молодой баринъ посѣтилъ архіерея, и походя оба кое-гдѣ, пошли въ большіе покои, гдѣ столъ накрывали. Я старался что-нибудь услышать отъ молодого Сафонова, но изъ него ни ползло, ни лѣзло. Смотра на него, по наружности онъ долженъ быть Аполлонъ бѣловурый, но по внутренности вселился въ него Момусъ**), вромѣ момусова остроумія.

*) Далѣе зачеркнуто: «но надежда—цыганка».

Ред.

**) Момусъ—шутъ боговъ. Митологисты наши говорятъ, что Момусъ единожды сказалъ: «Боги были пьяны, когда сотворили человѣка. Проспавшись—не могли безъ смѣха взглянуть на свое твореніе».

Г. Д.

Это примѣч. было первоначально въ подлинникѣ такъ: «Момусъ—богъ дурачества, ежели это богъ».

Ред.

Когда пришло время садиться за обѣденный столъ, хозяинъ нашъ оказался пьянъ, аки второй Касаговъ. Будучи въ семь счастливомъ состояніи, схватилъ въ другой горницѣ крѣпостную свою пѣвицу за руку и тащилъ ее къ столу. Игумень Путивльскій Мануилъ Левицкій, будучи ему близко знакомъ, и бывши отцу его хорошій пріятель, подскока вырвалъ ее у него, и пхнулъ обратно въ ту же горницу, изъ которой она вытащена, а его двинулъ *) въ ту, гдѣ сидѣлъ архіерей съ другими, и сказалъ ему: «кушанье на столѣ.» Сѣли за столъ, всего было преизбыточно. Сей прочнаго заведенія столовой части, сынъ не успѣлъ еще разрушить.

Музыканты потащились къ аркестру: иной ладилъ свой инструментъ, иной его клалъ, иной губы развѣса зѣвалъ, а пѣвицы всѣ смѣялись. Стали играть. Сколько играли, столько и ошибались, или же радѣли, на лицахъ написано было безпутство.

Все въ домѣ доказывало, что нѣтъ уже отца, господина и хозяина. Среди угощенья и музыки никогда во мнѣ уныніе столько не дѣйствовало, какъ при воспоминаніи порядочнаго отца, который, безъ сомнѣнія, не желалъ, чтобы наслѣдникъ разрушилъ всѣ его насажденія.

Послѣ обѣда, уже подъ вечеръ, архіерей подошедши къ аркестру, и будучи насыщенъ земныхъ благъ, крикнулъ: «играйте.» Капельмейстеръ, — крѣпостной человѣкъ и мужъ сказанной пѣвицы и барской любовницы, — крикнулъ: «Не слушай.» Всѣ музыканты и пѣвицы пришли въ замѣшательство. Сюда же примкнулись, со стороны архіерея, ряды пѣвчихъ, протодіаконъ, игумень и я. Всѣ начали говорить кто какъ хотѣлъ, и поднялся шумъ. Насыщенный съ гостями хозяинъ, чтобъ не быть празднымъ лицомъ, пробился сквозь толпу, схватилъ архіерея за крыло клобука и крикнулъ во всю мочь: «собаки!»

Архіерей, не дожидаясь, чтобъ его затравили, скокнулъ со всѣхъ ногъ въ квартиру со всѣмъ клиромъ, проповѣдуя на бѣгу: «Аще гонять вы — васъ — во градѣ, бѣгайте въ другой, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ отрясая». А я вслѣдъ приговаривалъ: «Стопы мои направи по словеси твоему. Капитанъ же, хозяинъ, удовольствовавшись тѣмъ, что одержалъ храбро плацъ, препровожденъ

*) Видѣсто зачеркн.: «сунуль.»

съ капельмейстершею въ триумфѣ цѣлымъ аркестромъ до самой спальни. О семъ послѣднемъ тогда же повѣствовали его домо-служители, которые всегда бываютъ самые вѣрные повѣствователи.

Мы ночевали не въ Сафонова домѣ, но у протопопа той же слободы. По утру посланъ былъ нарочной за архіерейскою тростью, которую вчера схватить не успѣли. Посланный возвратившись донесъ, что хозяинъ встрѣтился съ нимъ нечаянно въ дверяхъ залы, въ рубашкѣ, безъ всего и туфель. Въ сей позиціи спросилъ о здоровьѣ преосвященнаго, и услыша, что преосвященный отъѣзжаетъ, вскричалъ въ удивленіи: «Ахъ! я думалъ онъ будетъ у меня обѣдать; карету! штаны! мыться! гнать!»

Архіерей, желая чтобъ за нимъ гонялись, выѣхалъ какъ можно скорѣе. На побѣгѣ завидя погоню, сблланную въ почестъ ему, приказалъ скорѣе гнать. Мы—въ деревню, Сафоновъ тутъ. Архіерей въ крестьянскую избу, Сафоновъ на дворѣ. Его не пускаютъ къ архіерею, онъ просится, и увѣряетъ, что онъ трезвъ, что при немъ нѣтъ ни капельмейстера, ни капельмейстерши, ни собакъ, и что онъ гонится какъ тѣнь за тѣломъ, безъ котораго жить не можетъ. Будучи допущенъ, добился прощенія, закрывши лицо платкомъ, дабы показать, что прошеніе его было слезное. Архіерей тому повѣрилъ. Капитанъ былъ съ запасомъ, а и у насъ не безъ онаго. Начали мирный трактатъ поливать. Побранились. Сафоновъ закричалъ: «собакъ!» Архіерей усакавалъ впередъ, а хозяинъ не былъ столько плохъ, чтобъ въ другой разъ гнаться за такимъ епископомъ, которой не мастеръ прощать.

Бѣдный Сафоновъ, проводя жизнь пьяную и безпутную, вскорѣ послѣ отъѣзда преосвященнаго женился и вскорѣ умеръ. Преосвященный не имѣлъ причины жалѣть, что съѣздилъ и похоронилъ покойника, потому что тестъ его изъ его имѣнія наградилъ за всѣ издержки, и даже за то, чтобы преосвященный покойника простилъ и разрѣшилъ отъ тѣхъ грѣховъ, когда онъ хотѣлъ преосвященнаго собаками травить.

Въ Путивльскомъ монастырѣ у Мануила нашего только-что переночевали. Выѣхавъ, поспѣли въ обѣду въ построенный въ лѣсу, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, Петропавловскій Глуховскій *) въ ожидавшему уже нашего сухопутнаго,—мор-

*) Монастырь Петропавловскій, хотя называется Глуховскимъ, однако же онъ отъ Глухова отстоитъ на 20 верстъ.

своему епископу Анатолію Мелесу. Онъ принялъ гостя со всѣми прежними обрядами и съ прибавленіемъ въ онымъ, что во весь вечеръ и во всю ночь палили изъ можжировъ и звонили въ колокола. Оба архіерея съ игуменомъ и прочими, всю лѣтнюю пріятную ночь ходили по монастырю и около церкви съ фонарями, а по утру очень рано, влѣзли на колокольню и звонили съ прочими на раду. Я видя, что колоколовъ довольно, и любя по натурѣ колокольной звонъ, кликнулъ туда же нѣсколько пѣвчихъ и начали звонить пуще прежняго. Кому не доставало тянуть за веревку, тотъ билъ по воловолу палкою. Словомъ, мы подняли такой звонъ и пальбу, каковыхъ безъ сомнѣнія не было во дни святого Дмитрія Ростовскаго, которой будучи въ семь монастырѣ игуменомъ, построилъ каменную церковь среди монастыря, которая и понынѣ въ совершенной крѣпости, съ надписью въ срединѣ надъ аркою имени построившаго.

Въ самый развалъ нашихъ торжествованій прибыла духовная коммиссія по указу святѣйшаго синода, слѣдовать и судить нашего хозяина, по доносу на него пречестнаго іеромонаха отца Антонія, который въ нашемъ же сословіи былъ, ѣлъ, звонилъ и палилъ, и котораго доносъ состоялъ въ томъ, что архіерей Анатолій заключаетъ монаховъ въ тюрьму безвинно, бьетъ ихъ палками, не ходитъ никогда въ церковь, не одѣвается, всегда босикомъ, а только пьетъ, да гуляетъ и палитъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ колокольни.

Коммиссіонеры Лубенскаго монастыря архимандритъ Пансій, Густынскаго монастыря игуменъ Іосифъ и писмоводитель попъ Продьма привезли съ собою запаснаго игумна, въ качествѣ администратора, которому велѣли тотчасъ принять весь монастырь съ доходами въ свое наблюденіе и распоряженіе.

Нашъ Анатолій въ одинъ мигъ истрезвился, пересталъ палить, обулся въ сапоги, умылся, расчесалъ волосы и бороду, одѣлся въ расу, покрылся влобукомъ, навѣсилъ панагію, наматалъ на руку янтарныя четви. Въ такомъ видѣ явился онъ на другой день, очень рано, къ моему архіерею и повалился ему въ ноги, возглашая вмѣстѣ съ поклономъ: «Наставниче! спаси мя, погибаю!» А сей ему въ отвѣтъ: «Дуракъ! почто усумнился еси? Меня велѣно судить за взятки, за грабежи церковныя, за да я не робѣю». Потомъ намаркировалъ ему отвѣты

противъ доноса. На послѣдокъ мы вида, что реформа монастырскаго правленія нарушила нашъ порядокъ, ну *) впередъ! и притѣхали въ Глуховъ. Коммиссіонеры остались въ монастырѣ, и Анатолий—съ нами.

Въ Глуховѣ мы остановились у отца протопопа Корнилія Гевефовича. Земскій судья Сергій Сидоровичъ Дергунъ и коллежскій совѣтникъ Яковъ Павловичъ Козельскій**), Малороссійской коллегіи членъ***), посѣтили нашего преосвященнаго, и увидя нечаянно Анатолія во всей формѣ, зная напередъ, что онъ любилъ босоту, воскликнули: «Ахъ, ваше преосвященство! какъ къ вамъ все это пристало!... Ну для чего бы вамъ всегда такъ-то не одѣваться? Вы бы къ намъ пожаловали, а мы бы къ вамъ когда притѣхали, и у насъ бы было райское препровожденіе времени». Анатолий отвѣчалъ въ постоянномъ видѣ: «А для чегожь вы не упредили мое дурачество вашимъ благимъ совѣтомъ! Греки говорятъ: гдѣ проливается вино, тамъ купаются слова, а мое можетъ быть не одно и дѣяніе искупалось въ немъ». Полковникъ Козельскій былъ человекъ ученой и литераторъ: онъ сказалъ Анатолію: «Я, прочитавъ вашу рѣчь, которую вы говорили предъ государынею императрицею, и которую мнѣ изъ Петербурга прислалъ пріятель, всегда хранилъ почтеніе къ вашимъ дарованіямъ».

Мнѣ разсудилось эту рѣчь помѣстить здѣсь. Мой архіерей получилъ ее отъ Козельскаго. Она у меня понынѣ уцѣлѣла и нашлась между бумагами. Послѣ я ее видѣлъ уже и въ печати:

Рѣчь, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 г. октября 7 дня.

Всемилоствѣйшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорскаго величества, чувствую радость, коя ощущаема сердцемъ, неизреченна устами. Вижду предо мною всѣ врасоты міра собранныя воедино. Се то средоточіе славы, которое на подобіе солнца кажется не-

*) Видѣсто зачеркнутого: «отправилсь».

Ред.

**) Козельскій знакомъ былъ моему архіерею отъ тѣхъ временъ, когда они вмѣстѣ ходили на лекцію экспериментальной физики въ Петербургъ. Г. Д.

***) До открытія намѣстничества въ Глуховѣ была малороссійская коллегія. Г. Д.

движимо, но лучи свои по всему свѣту простираетъ. Се Екатерина! О! кто мнѣ дастъ витійство, соразмѣрное милостямъ, кои я пріялъ и приѣмлю отъ руки монаршей. Кто устроитъ языкъ мой, да возглаголю слово царицѣ, моей матери? Я сидѣлъ во тьмѣ, и внезапно облиста мя свѣтъ вѣдй. Узникъ сталъ свидѣтель чудесъ твоихъ на водахъ многихъ. Я зрѣлъ корабли твои между разсѣянными по Архипелагу островами, на подобіе острововъ колеблющихся, и тысящами мѣдныхъ гортавей могущество твое морю и турбамъ возвѣщающія. Стоялъ на хребтахъ ихъ, среди героевъ, священникъ, и счастиемъ твоимъ осыпалъ къ побѣдамъ твоихъ мореходцевъ. Малъ въ братіи моей посреди церкви, на далекихъ брегахъ громомъ имени твоего раздающихся, пѣлъ ты, и во храмъ сердца моего дондеже есмь пѣти не престану. Не умру несчастливъ! Смерть закроетъ старцу очи, Екатерининной славою насыщенный, славою и купно ея лицезрѣніемъ. Се верхъ моего благополучія! Но что воздамъ блаженства и дыханія моего виновницѣ? вромѣ единого желанія: да будетъ, монархиня, жизнь твоя столь долголѣтна, сколь она, безъ сравненія, нужна Россіи. Да будетъ здравіе твое столь невредимо, сколь одолженія твои вселенной велики. — Яко же роса аармонская нисходитъ на горы сіонскія, тако да снидетъ на ты съ небесъ благословеніе. Живъ Господь Вседержитель и кто на ны? Живы Екатерина самодержица и Павелъ всероссійскій наслѣдникъ. Привергающіеся же къ стопамъ ихъ, во вѣки не погибнуть».

Господинъ Дергунъ угощалъ во своемъ домѣ архіереевъ обѣденнымъ и ужинымъ столомъ, а г. Козельскій компанировалъ, яко человѣкъ корпусо-кадетскій. Тутъ же былъ и малороссійской коллегіи прокуроръ Семеновъ, человѣкъ богатой, пузатой, скупой и неученой. Говорили, что онъ хорошо знаетъ свою должность; а что онъ ѣлъ и пилъ хорошо, о томъ не нужно было и спрашивать. При окончаніи ужиннаго стола, шепнулъ я преосвященному, что у насъ есть нашей работы связка разныхъ горючихъ малыхъ фейерверочныхъ штукъ. Архіерей далъ мнѣ сигналъ открыть канонаду въ горницѣ. Неожиданный трескъ, хлопотня, розданные людямъ колеса, все это вдругъ загорѣлось, зашумѣло и не меньше надымло. Дамы, сидѣвшія за столомъ повскакивали съ мѣстъ, а брошенные по полу огни тѣмъ болѣ за ними отъ водненія воздуха гонялись, чѣмъ болѣе они убѣгали. Мой

архіерей, зажегши самъ на свѣчѣ фонтанъ, бросилъ на петропавловскаго архіерея, и трафилъ ему въ самую бороду. Борода сильно засвирщѣла, и бросилась къ бѣгающимъ, смѣющимся, кричащимъ, ахающимъ чепчикамъ и токамъ, и вмѣшавшись между ими, составила странную труппу.

По сгорѣніи фейерверка, нашли прокурора Семенова въ жалкомъ положеніи, на котораго во время происходившихъ шалостей никто не имѣлъ вниманія. Онъ просилъ, Бога ради, милости, воды и кто чѣмъ можетъ ему помочь, ибо онъ, имѣя наклонную къ аппoplexіи природу, едва отъ порохового дыма не задохся, а причиною сему больше то, что онъ и по натурѣ не могъ терпѣть порохового запаха, почему и выскочить былъ не въ силахъ изъ покоевъ. Опамятовавшись, онъ напомнилъ, по должности, что таковыя шутки противны законамъ, поелику онѣ могутъ быть смертоносны; а архіерей мой отвѣчалъ, что блюстителю законовъ не было лучшаго времени умереть какъ въ этомъ дымѣ, потому что погребли бы его два архіерея, которые оба подъ судомъ.

§ XXVI

Параграфъ двадцать-шестой, а о чемъ? значить въ немъ.

1774 — 1777 г.

Возвратясь домой, занимался его преосвященство отвѣтствованиями по требованіямъ комиссіи; а между тѣмъ, прогуливаясь единожды въ хорошій вечеръ и полнолунную ночь по саду, примывающемуся въ покоямъ, — съ матерью, сестрою, племянницею, Путивльскимъ игуменомъ Левицкимъ, — вздумалъ мимоходомъ для забавы при небольшихъ, шумъ головной умножающихъ, капляхъ, заручить за меня родную свою племянницу, дочь находящейся при немъ сестры. Въ семъ случаѣ былъ я похожъ на Волтерова Гурона, котораго ловили окрестить. Что касается до невѣсты — Татьяна Осиповна ее звали, — она была ребенокъ милый, лѣтъ 14-ти, и мое сердце знало ей цѣну. Но что касается до страннаго и несчастнаго свойства моего благодѣтеля и будущаго дяди, не предвѣщалъ я для себя ничего добраго изъ нашего союза и страшился быть отягощенъ его милостями; а потому и чувствовалъ непреодолимое затрудненіе вступать съ нимъ въ свойство. Какъ-бы-то-ни-было, я получилъ перстень алмазный, а невѣста вольцо — алмазное же, которые повидимому у преосвященнаго пригото-

лены уже были. Все это происходило въ саду, при лунномъ сіяніи, слѣдственно мы съ невѣстою были счастливѣе тѣхъ, которыхъ, при началѣ міра, за любовныя дѣла гнали изъ сада вонъ. Хотя все сіе, по мнѣнію нашему, происходило секретно, однакожь, несмотря на секретъ, прослылъ я скоропостижно архіерейскимъ племянникомъ.

Въ послѣднемъ сего года мѣсяцѣ, разсудилъ преосвященный посѣтить городъ Орель. Коммисія негодовала за намѣреніе и отлучку, но онъ того не уважалъ.

1775 г. На пути, въ городѣ Кромахъ, остановились у протопопа Кромскаго и прожили все праздничное время до 8-го числа января новаго года. Причиною сему были отъѣзды архіерейскіе въ уѣздъ по домамъ дворянскимъ, куда онъ прошенъ бывалъ какъ рѣдой гость и пастырь стада, а я оставался за болѣзнію на квартирѣ.

8-го числа января мы выѣхали изъ Кромъ и прибыли въ Орель того-жь дня подъ вечеръ.

Съ самаго приѣзда до свѣтлаго праздника, прожито въ Орлѣ хорошо. Порядокъ жизни былъ таковъ же, какъ и на всякомъ мѣстѣ; а послѣ праздника, многіе компаніоны разѣхались по домамъ деревенскимъ, а иные скучившись единообразными бесѣдами и подвигами, оставили пастыря безъ овецъ и владыку безъ рабовъ.

Здѣсь преосвященный въ великій еще постъ увѣдомленъ былъ о смерти своего брата и сподвижника епископа Анатоля Мелеса. — Вздохнувши по немъ, сказалъ: «дуракъ былъ повойникъ! съ его ли умомъ переливать колокола въ можжиры?» А послѣ праздника пришла вторая вѣсть: что, коммиссіонеры Сѣвскіе, кончивъ чтó имъ было предписано, разѣхались по домамъ и по монастырямъ. Сіе обстоятельство и годовое время придали охоту преосвященному въ возвращенію домой. Но не всякое дѣло такъ скоро исполняется какъ говорится, и не человѣкъ случаемъ, а случай человѣкомъ управляетъ. Да какъ же онъ управляетъ? Онъ посылаетъ къ преосвященному проѣзжающаго чрезъ Орель переводчика Ивана Голѣневскаго, который былъ при должности въ Полоцкѣ; а знакомъ преосвященному еще отъ тѣхъ временъ, когда они были вмѣстѣ при дворѣ императорскомъ

пѣвчими *). Еще поручикъ Герасимъ Орловскій, который посланъ былъ изъ Глухова отъ начальства куда-то чрезъ Орелъ и который былъ знакомъ, частыми своими въ Сѣвскѣ приѣздами и счастливымъ даромъ природы, которымъ пользуясь, напивался и наѣдался въ сопровожденіи шутокъ и уловокъ, дѣлающихъ для другихъ смѣхъ. Сей вскорѣ ускакалъ въ предписанной ему путь, а Голѣневскій дождался, пока оба возлегли съ хозяиномъ невзначай, одинъ—на камаше, а другой—на стульяхъ; обувенны въ сандаліяхъ и въ приличной каждому чистотѣ и опрятности, подобно тѣмъ воинамъ, которые и спящія имѣють осторожность, дабы неприятель не напалъ въ расплохъ.

Но какъ нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣчнаго и постояннаго, то и спящимъ надлежало проснуться, и гость уѣхалъ, а хозяинъ формально возлегъ на одръ, послѣку требовало того изнеможеніе силъ. Уже проходило двое сутокъ, какъ преосвященный недомогалъ и питался только чаемъ, бремортартари и лимонадомъ. Въ продолженіе сего, какъ я единожды вошелъ въ спальню, онъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: «за чѣмъ сюда пускать Орловскаго? до шутокъ ли мнѣ теперь? Онъ съ одного угла горницы прыгнулъ на другой, и говоритъ: Богородица Дѣва: радуйся». Я отвѣчалъ, что «уже четвертый день какъ Орловскаго въ городѣ нѣтъ». — «Да, отвѣчалъ преосвященный: — жаръ во мнѣ дѣйствуетъ!»

Напослѣдокъ, надобно было выздоровѣть и выѣхать. Зазвонили, но никто насъ не проводилъ, кромѣ протопопа и нѣсколькихъ священниковъ по должности; что походило не меньше на провожанье живыхъ, какъ и на провожанье мертвыхъ.

По приѣздѣ домой, я уже не пошелъ къ преосвященному въ покои, въ первой моей должности. По мѣрѣ теченія лѣтъ моихъ и архіерейскихъ, и другихъ обстоятельствъ, власть его надо мною, натурально ослабѣвала, почему я и въ силахъ былъ дѣйствовать по собственному желанію, не прося на то отъ него позволенія.

*) Этому Ивану Голѣневскому принадлежит стихотвореніе, имѣющееся и въ моей библиотекѣ: «Плачь по блаженной и вѣчно достойной памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»; напечатано въ листъ, при акад. наукъ, въ 1762 г. См. объ этомъ «Плачъ» въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III-го «Отеч. Записки» 1867 г. кн. VIII, стр. 756 и друг. Ред.

Мнѣ не легко изъяснить мои тогдашнія внутреннія, сражающіяся между собою движенія. Мнѣ только то было ясно и чувствительно, что я, родившись человекомъ, не имѣю прочнаго названія въ обществѣ, и что имѣю непреоборимое отвращеніе въ образу жизни моего архіерея и въ его качествамъ.

Я передвинулъ мои позитивы въ стоящіе близъ воротъ два покоя, примыкающіеся одною стороною къ тому же саду, въ которому и архіерейскіе покои, съ другой, боковой, полуденной стороны примыкались. Онъ въ неудовольствіи спрашивалъ причины, а я представлялъ слабость здоровья, что и въ самомъ дѣлѣ было. Онъ обнаружился удержать меня при себѣ по прежнему, а я требовалъ рѣшительно письменнаго увольненія, какъ отъ него, такъ и отъ консисторіи, — послѣдку былъ канцеляристомъ, — съ которыми бы могъ выѣхать для опредѣленія себя въ царскую службу. Наконецъ архіерей позволилъ мнѣ имѣть сіи, по желанію моему, особые покои.

Итакъ, началъ я жить отшельнически, не зная еще и самъ на какой конецъ; однакожъ ощущалъ въ моей душѣ, что сдѣланной шагъ для меня полезенъ. Покойцы мои прибралъ я не по монастырски. Архіерей иногда жаловалъ ко мнѣ посидѣть, а иногда присылывалъ весь свой столъ и самъ у меня кушивалъ, иногда съ консисторскими членами и секретаремъ, иногда съ сестрою и племянницею, а иногда одинъ со мною. Да въ сей только милости и состояло все его для меня содержаніе; — и, кромѣ сего, долженъ я былъ питаться собственнымъ иждивеніемъ. Такимъ образомъ протекло больше половины 1775, весь 1776 и первая половина 1777 года.

Въ первое лѣто моего отшельничества, въ августѣ мѣсяцѣ, выпросилъ я дозволеніе путешествовать въ Польшу на Бердичевскую ярмарку. Мой трактъ лежалъ чрезъ Глуховъ, Королевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Васильковскую таможеню и Бѣлую-церковъ. Преосвященный далъ мнѣ письма: въ Глуховъ къ члену коллегіи Козельскому, дабы онъ снабдилъ меня подорожною въ Кіевъ; въ кіевскому митрополиту Гавриилу Кременецкому, въ архимандриту Кіево-печерской лавры, въ архимандриту Кіево-Михайловскаго монастыря Исая, которымъ препоручалъ меня въ ихъ милость и благословеніе; въ кіевскому купцу Дмитрѣвичу, который, имѣя у се-

бя на процентахъ нѣсколько архіерейской казны, долженъ былъ вспомочь меня для ярмарки деньгами на покупки архіерейскія; въ Васильковъ, къ директору тамошней таможи Ивану Никитичу Болтину, дабы онъ позволилъ и помогъ мнѣ переѣхать чрезъ границу, яко человѣку не бѣглому. Итакъ, подъ сими парусами направилъ я мое сухопутное шествіе на долгихъ съ однимъ при мнѣ служителемъ, и подъ самую хорошею погодою прибылъ въ Глуховъ; остановился у тамошняго протоіерея отца Корнилія Іезефовича, — у котораго обыкновенно и преосвященный мой останавливался — и съ сей первой моею дистанціи отписалъ къ преосвященному съ возвратившимся при лошадяхъ человѣкомъ.

Пріятнѣйшая погода, хорошей и знаемой городою, солидной и благоразумной съ латинью и свѣдѣніями мужъ, хозяинъ, удержали меня тутъ 2¹/₂ дня.

Мой отецъ Корнилій былъ для Глухова живой своихъ временъ историческій архивъ, и не мертвой—прошедшихъ. Вслѣдствіе чего и по случаю единовременнаго со мною чрезъ Глуховъ проѣзда сенатора Теплова, рассказалъ онъ мнѣ бывшій съ нимъ прежнихъ временъ разговоръ.

«Григорій Николаевичъ Тепловъ, — говоритъ отецъ Корнилій:—когда былъ въ Глуховѣ при гетманѣ Разумовскомъ правителемъ канцеляріи, или лучше сказать: политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ, маниторомъ и проч., то иногда ко мнѣ прихаживалъ пріятельски посидѣть. — Говоря обо всякой всячинѣ, такъ, какъ вы теперь со мною» — прильстилъ мимоходомъ вѣжливый священникъ, — «рассказалъ онъ единожды два случая или происшествія изъ первоначальнаго своего состоянія.

«Въ ребячествѣ моемъ», — говоритъ Тепловъ: — «когда мнѣ было лѣтъ около 9-ти, играли равныхъ насъ ребяташекъ съ десятокъ на улицѣ, бѣгали, рылись въ пескѣ, глинѣ, и кто какъ хотѣлъ. Вдругъ увидѣли, что мимоѣзжая карета остановилась. Мы бросили игры и смотрѣли на нея. Узнали, что это былъ нашъ архіерей Теофанъ Прокоповичъ *). Онъ также смотрѣлъ

*) Не могу припомнить, въ которомъ это городѣ. Судя по Прокоповичу, должно быть въ одномъ изъ трехъ, то-есть, или во Псковѣ, или въ Новгородѣ, или въ Петербургѣ, въ которыхъ сей знаменитый архіерей имѣлъ свои должностныя пребыванія.

на насъ въ окно. Потомъ велѣлъ намъ подойти къ себѣ, далъ всѣмъ руку, и нѣкоторыхъ останавливая, о чемъ-нибудь спрашивалъ, желая повидимому узнать какъ это отвѣчаетъ. Дѣло дошло до меня».

Проконевичъ: Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

Тепловъ: Гриша.

Проконевичъ: Кто твой отецъ?

Тепловъ: Солдатъ Николай Тепловъ.

Проконевичъ: «Гдѣ онъ служить? Отчего имѣеть пропитаніе? Сколько у него дѣтей?» и проч. и проч. — Напослѣдовъ, подавая еще руку: «скажи своему отцу, чтобъ онъ завтра пришелъ съ тобою къ архіерею, и сказалъ бы велейному, чтобъ онъ объ васъ доложилъ».

«Мы всѣ разбѣжались съ вѣстями»,—продолжаетъ Тепловъ,— «каждый куда хотѣлъ *), и вездѣ проповѣдывали, что архіерей насъ благословлялъ, и что Теплову съ отцомъ велѣлъ приттись къ нему. На завтрѣ, отецъ мой умылъ меня чистою водою, расчесалъ волосы, помылъ ноги, надѣлъ на меня бѣлую рубашечку, подпоясалъ по ней покровочкою, и возложилъ на шею мѣдный крестикъ на шнуркѣ. Тутъ весь мой былъ мундиръ. Мы пришли къ архіерею и стали въ пространныхъ сѣняхъ. Черезъ нихъ изъ одной половины въ другую бѣжалъ велейникъ, и спросилъ отца моего скоростижно: «что ты, старикъ?»....

«Когда мы допущены къ преосвященному, то онъ, взявъ меня за крестикъ, спросилъ: «кто тебѣ это далъ?».... «Батюшка»....— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, это вамъ навѣсилъ Владиміръ». — Потомъ спросилъ отца: «хочешь ли ты отдать мнѣ своего сына?»....

Отецъ: Я съ радостью бы хотѣлъ, да онъ записанъ въ государеву школу....

Архіерей: Ты только пожелай, прочее все я на себя беру. Я въ немъ предвижу прокъ.

«Мой старикъ прослезился отъ благодарности, — и отпущенъ съ миромъ, а я остался въ пансіонѣ архіерейскомъ».

Второе происшествіе:

«Когда я» — продолжаетъ Тепловъ, — «учился уже въ Пе-

*) Зачеркнуто: «и куда могъ».

тербургъ *), то оскудѣлъ въ одеждѣ, а наипаче износилъ штаны скорѣе другого платья. Нужда—изобрѣтатель всего. Я натянулъ полотно на блейтъ-рамы, и ну писать штаны, представляя ихъ на тесемѣ, нацѣпленной на деревянный гвоздь, влоченный въ стѣну. Мои соученики насмѣхались предмету, но моя твердость въ исполненіи намѣренія была непобѣдима. Я продолжалъ работу постоянно, а имъ это подавало больше причины къ смѣху и къ насмѣшкамъ. Одинъ говорилъ: «пишетъ свой партретъ», другой—«для друга—подарокъ», иной мимоходомъ поддериживаетъ: «не ошибись въ мѣрѣ!» иной съ важнымъ видомъ говоритъ: «не мѣшайте, братцы, Теплому приводить къ концу великія его намѣренія». Словомъ, я продолжалъ писать мои штаны подъ стрѣлами самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ. Безъ нужды и безъ терпѣнія не могъ бы я кончить моей работы. По окончаніи же чувствовалъ внутренно, что работа удалась, и терпѣніе уже торжествовало, не зная еще, чѣмъ оно наградится. Схватя мою картину, понесъ ее въ домъ... **), въ которомъ я зналъ, что принимаютъ охотно всякія, подобныя моему произведенію, малости, дабы ободрять трудъ молодыхъ учащихся, награждая ихъ больше, нежели чего стоить вещь. Въ домѣ NN повеселились надъ картиною, хвалили ее передъ барынями, спрашивали ихъ мнѣнія, нѣтъ ли въ ней какого недостатка и дали мнѣ цѣлую горсть серебряныхъ денегъ. Я побѣжалъ въ ряды, выбралъ по мѣрѣ штаны, бросилъ старые, положилъ въ оба новые кармана деньги—которыхъ, за уплатою, осталось на доброй сюртукъ, явился къ моимъ соученикамъ, и ударяя передъ ними по обоимъ карманамъ, сказалъ моимъ насмѣшникамъ: «въ мѣркѣ не ошибся».

Отецъ Іезефовичъ, пересказывая мнѣ сію исторію, примолвилъ: «какъ мы были теперь у него на приѣздѣ, и я замѣтилъ, что онъ обошелся со мною по прежнему, то сказалъ я ему тихонокъ: «теперь вашему превосходительству не нужны живописные штаны.» Онъ разсмѣялся и сказалъ вслухъ: «напоминаніе

*) Не могу припомнить, въ казенномъ ли какомъ училищѣ, или въ томъ же архіерейскомъ пансіонѣ. Г. Д.

***) Протопопъ именно сказалъ, въ чей домъ, но я точно не могу припомнить, а похоже, какъ будто на одинъ изъ двухъ домовъ: или Шувалова, или Нарышкина. Г. Д.

прежнихъ временъ приятно. Покойный преосвященный Прокъ-повичъ и самъ бы теперь доволенъ былъ, что онъ въ своихъ догадкахъ обманулся; онъ иногда на меня говаривалъ: этотъ мальчикъ имѣетъ немаловажные дары природы, да только несчастливъ; — а теперь я, — принявшись за орденъ, — по милости государыни, имѣю ленту» *).

§ XXVII.

Ѣзда въ Кіевъ, въ Польшу и возвращеніе въ Овскъ.

Отъ Глухова до Кіева чрезъ триста верстъ переѣзжалъ я очень скоро. На пути встрѣтился съ турецкимъ посланникомъ, ѣхавшимъ послѣ войны и замиренія въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ. — Я свернулъ съ дороги саженой на 15, но арапъ, прискакавъ во мнѣ верхомъ, сталъ напротивъ при самыхъ моихъ лошадяхъ. Я велѣлъ остановиться; а онъ поднялъ долгую свою вьюку вверхъ, говорилъ громко по-турецки или по-арабски. Я сказалъ ему громогласно: «миръ, миръ!» онъ отвѣчалъ по-русски: «ты туда пошолъ, я туда пошолъ», и поскакалъ отъ меня за своими. Послѣ, кому я это рассказывалъ, мнѣ говорили, или угадывали, что это долженъ быть шутъ.

*) Приведенные Добрниннымъ рассказы о Тепловѣ относятся къ Григорію Николаевичу Теплову, одному изъ замѣчательныхъ людей какъ на государственномъ поприщѣ, такъ и на литературно-ученомъ — въ царствованіе Екатерины II. Тепловъ род. во Псковѣ, по однимъ извѣстіямъ въ 1720 г., по другимъ въ 1725 г. Если вѣрять Гельбигу (*Russische Günslinge* изд. 1809 года стр. 313), Тепловъ былъ сынъ истопника въ александровской лаврѣ, въ Слб. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей (?) далъ ему прозваніе Тепловъ, чтобъ тотъ помнилъ свое происхожденіе. Тепловъ воспитывался въ петербургской семинаріи, учрежденной на Новгородскомъ Карповскомъ подворьѣ архіепископомъ Теофаномъ Прокоровичемъ. По окончаніи наукъ — былъ учителемъ семинаріи. Посланъ за границу, въ 1736 г. записанъ въ академіи наукъ — студентомъ, въ 1741 г. сдѣланъ адъюнктомъ. Въ царствованіе Елисаветы — Тепловъ является воспитателемъ графа Кирилла Разумовскаго и именованъ его управляетъ съ 1745 г. всю академію наукъ. Въ 1750 г. воспитавникъ Теплова сдѣланъ гетманомъ Малороссіи; въ теченіи четырнадцати лѣтъ Кириллъ Разумовскій правитъ обширѣйшимъ краемъ подъ руководствомъ своего умнаго и хитраго воспитателя. Немилость Петра III къ Теплову (бывшему въ 1762 г., въ Слб., въ чинѣ дѣйст. ст. совѣтника) вдвинула сего послѣдняго въ рядъ сторонниковъ Екатерины II. Онъ дѣлается однимъ изъ усердѣйшихъ заговорщиковъ, и въ дни низверженія Петра III — Тепловъ пишетъ извѣстный манифестъ, исполненный жестокихъ обвиненій, частью справедливыхъ, частью зло преувеличенныхъ противъ Петра III. За этотъ трудъ

Въ Кіевѣ принять я на квартиру въ монастырь Верхомихайловскій, архимандритомъ Исаію. Онъ, получа отъ меня архіерейское письмо и при немъ сто рублей ассигнаціями въ церковь *), принялъ меня ласково и угощалъ во всѣ дни хорошимъ столомъ. Съ нами всегда садилось человекъ отъ 6 до 8-ми. Въ семь числъ были молодые монахи, которые хотя были не великіе мудрецы, но поелику были «мондровныя» **), не любили молчать, они знали, Валахію, Молдавію, Сербію, часть Греціи и Польши, и прочія мѣста, гдѣ возможно было мѣститься и проходить людямъ такого сорта какъ они; лекарь Ив... Кричевскій, который былъ немногимъ постарше меня, и съ которымъ мы, увидясь, скоро свели дружбу, какъ обыкновенно водится между молодыми людьми; нечаянной семидесятилѣтній патеръ іеромонахъ Теофанъ Зеленеваскій, который, показавшись за столомъ, и будучи еще бодръ, схватилъ меня за голову и началъ ее цѣловать, гдѣ попалъ, говоря: «вы мнѣ Ансона читывали». Я равномерно былъ радъ нечаянному свиданію. Но никто другой не зналъ, какихъ временъ знакомство мы воспоминали. Вскорѣ, однакожь, самъ Исаія припомнилъ, что патеръ Зеленеваскій прожилъ съ годъ у сѣвскаго архіерея

Тепловъ получилъ 20 т. руб. Въ ноябрѣ 1762 г. Тепловъ сдѣланъ членомъ комисіи о духовныхъ имѣніяхъ; въ апрѣлѣ 1763 г. — онъ опредѣленъ статсъ-секретаремъ къ принятію прошеній поступающихъ къ государынѣ; въ 1767 г. — тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и т. д. Въ 1775 г. Тепловъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Умеръ 30 марта 1779 г. Тепловъ оставилъ по себѣ память человекѣка обширной учености (ему принадлежить нѣсколько изданныхъ при жизни же его сочиненій), ревнителя просвѣщенія (онъ преобразовалъ академію наукъ, составилъ проектъ учрежденія университета въ Батуринѣ и т. д.); но въ то же время, злого, лукаваго, пронырливаго честолюбца, не останавливавшагося ни предъ какими средствами для удовлетворенія жадности къ почестямъ и отличіямъ. Имя Теплова примѣшивается иноземными писателями къ нѣсколькимъ темнымъ дѣяніямъ второй половины XVIII вѣка.

Въ предѣлахъ епархіи Кирилла Флоринскаго, героя бытописанія Добрынина, именно въ Орловской губерніи, Карачевскомъ уѣздѣ находилось имѣніе Григорья Николаевича Теплова — село Молдовое. Ред.

*) Архіерей мой часто бывалъ въ этотъ монастырь вкладчикомъ, потому что онъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ немъ на монастырскомъ содержаніи. Г. Д.

**) На славяно-духовно-польскомъ языкѣ «мондровный» значитъ, на божественномъ-французскомъ: «воля жиръ». По значенію же слова: «мондровать» — кажется съ польскаго на русскій — значитъ мудрствовать, а на греческомъ значитъ: философствовать. Слѣдовательно — по моему силлогизму — всякаго праздношатающагося или безпамятнаго бродягу, можно называть философомъ. Г. Д.

во мзду трудовъ, употребленныхъ имъ дровле по долгу учителя въ синтаксисѣ для нашего архіерея, — который тогда былъ его ученикомъ.

Преосвященнаго митрополита Гавриила Кременецкаго нашель я часу въ 9-мъ предъ полуднемъ въ загородномъ домѣ. Поднесъ ему письмо, а онъ мнѣ далъ свое архиастырское благословеніе; такимъ образомъ повѣтавшись, разстались. Отъ него заѣхалъ я къ намѣстнику катедральнаго его Софійскаго монастыря, игумену Мелхиседеву, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ, отъ свиданія въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, когда его митрополитъ жилъ въ ономъ, опасаясь свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы.

Поговоря съ нимъ кое-о-чемъ, довольно долго, и сдѣлавшись знакомы больше нежели прежде, спросилъ я его, «что такъ скоро преосвященный митрополитъ меня отпустилъ? Здоровъ ли онъ? или не занятъ ли? или»....

Намѣстникъ: Онъ здоровъ и свободенъ, такъ какъ я и вы; тутъ нѣтъ никакого или.

Я: Что-жь тутъ на мѣсто или?

Намѣстникъ: Сказать ли? Будь же скромень. Скромность есть тѣсная подруга съ благоразуміемъ. — Митрополитъ терпѣть не можетъ, ежели кто чисто, а наипаче сегогольски одѣтъ. Это его болѣзнь или самонравіе. Но особѣ его сана и его премаститыхъ лѣтъ позволительно и то, и другое.

Я: Ну кто-жь это зналъ, что въ вашимъ премаститымъ лѣтамъ нельзя было показаться, не почистивши трубы?

Повеселившись со скромнымъ и благоразумнымъ отцемъ-намѣстникомъ на счетъ самонравія, и управившись съ водкою и закускою, разстались. — Въ Золотоверховскій монастырь поспѣлъ я къ самому обѣду. За столомъ услышалъ, что мнѣ на Бердичевскую ярмаку нельзя поспѣть, потому что до нея версть ста съ полтора, а она оканчивается сегодня и завтра; на Бѣлоцерковскую-же, — до которой версть съ 60, — поспѣю въ самую пору, потому что она простоятъ еще дней 12. — Узнавши, что мнѣ не для чего спѣшить, явился я на завтра, предъ полуднемъ, Кіевопечерскія лавры къ отцу архимандриту Зосимѣ Валькевичу, съ письмомъ моего архіерея. Онъ позволилъ, по просьбѣ моей, поводить меня по пещерамъ, и пригласилъ

обѣдать. За столомъ сидѣло всѣхъ человѣкъ съ шесть. Съ нами же обѣдалъ генералъ Масловъ, въ камлотномъ малиноваго цвѣта сюртугѣ, съ кавалерскою на немъ звѣздою, а самъ съ бородою *). Я прежде подумалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ, и для того, по нѣкоторымъ бываемымъ иногда въ такихъ случаяхъ душевнымъ наклонностямъ — похотѣлъ найти на нѣкоторое время свой покой въ монастырѣ; но мнѣ сказали, что онъ живетъ здѣсь съ намѣреніемъ вступленія въ монашество. Онъ хотя былъ уже лѣтъ семидесять, однакожь свѣжъ и крѣпокъ, и рассказывалъ за столомъ нѣкоторыя жѣста изъ жизни Петра Великаго довольно порядочно и памятно, и согласно съ бытописаніемъ. Отъ Кіево-печерской лавры поспѣлъ я послѣ обѣда къ славному проповѣднику Левандѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ домѣ пріятно и угощалъ монастырѣйскимъ виномъ. Изъ малолѣтнихъ его сыновей можно было видѣть, что они въ отцѣ своемъ имѣютъ наилучшаго попечителя о ихъ воспитаніи. — На завтра захотѣлось мнѣ видѣть Самуйловича, академическаго отмінныхъ дарованій учителя. Онъ принялъ меня сократически: послѣ общихъ изъясненій и общаго разговора, онъ говорилъ о безсмертіи души, а я доказывалъ о тлѣнности тѣла.

Проведя такимъ образомъ въ Кіевѣ дней съ пять, и получа отъ вунца Дмитровича — который былъ тогда райцею **) въ магистратѣ — по письму архіерейскому — подкрѣпленіе въ деньгахъ, выѣхалъ на мою бѣлоцерковскую ярмарку чрезъ Васильевскую таможеню. Въ Васильевѣ директоръ таможи, Иванъ Никитичъ Болтинъ ***) по письму архіерейскому пропустилъ меня за границу, яко товаръ, не дѣлающій ущерба своему отечеству. Я достигъ Бѣлой-церкви, и нашелъ въ ней дурную деревню, кляшторъ, не помню какого ордена католицкихъ монаховъ, каменную въ развалинахъ церковь, въ одномъ изъ угловъ отпра-

*) Это тотъ самый Яковъ Андреевичъ Масловъ, о которомъ пишетъ Болотовъ въ своихъ запискахъ т. I стр. 178 и друг. изд. «Русск. Стар.» 1870 г.

**) Ратманъ.

Ред.
Г. Д.

***) Онъ извѣстенъ по сочиненію возраженія на Леклерка. Онъ сочиненіе сіе — будучи въ Сѣвскѣ въ гостяхъ у шурина своего, воеводы Пустошнина, — сообщилъ моему архіерею, и я читалъ его еще въ рукописи. Архіерей сказалъ объ немъ свое мнѣніе: «что оно дышетъ патриотизмомъ и историческою истиною».

Г. Д.

ляется уніатское священнослуженіе. Она построена была извѣстнымъ гетманомъ Иваномъ Мазепою, таѣ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли тамошніе жители. Ярмарка довольно была многолюдна; товаровъ было много и дешево, въ сравненіи съ цѣнами російскими.

Я въ первый еще разъ увидѣлъ тогда племя еврейское, и въ душѣ моей выработывалась его исторія съ какими-то особливими чувствованіями. Я воображалъ, что исторія священная, церковная и гражданская насъ не обманываютъ, ибо я теперь вижу потомковъ тѣхъ людей, воихъ имена — хотя не всѣхъ — священны, однакожъ для всѣхъ на земномъ шарѣ, держащихся вѣры христіанской, достопамятны. Я представлялъ себѣ: Өару, Авраама, Исаака, Іакова, Ревекку, Рахиль; двѣнадцатерыхъ братьевъ, отъ которыхъ начались 12 колѣнъ; Моисея, Аарона, Іисуса Навина и Халева; веселую Маріанну, смѣлую Юдифъ, любезную Есеиръ и проч.... Самуила и другихъ пророковъ; Сампсона и другихъ судей; Саула, Давида, Соломона, Іероваама и Роваама; раздѣленіе народа на Іудеевъ и Самарянъ, одерживанныя ими въ теченіи многихъ лѣтъ побѣды надъ неприятелями; ихъ междуособныя крамолы и неоднократное забираіе ихъ въ плѣнъ вавилонской, гдѣ пѣли они горькую свою пѣснь: «На рѣбахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плавахомъ, внегда помянути намъ Сіона, и проч. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей! Прильпни языкъ мой гортани моему! и проч. «Дщи Вавилоны океанная! Блаженъ, иже иметъ и разбіетъ младенцы твоя о камень *)!»

Видно имъ тамъ не хорошо было! Я, руководствуясь исторіею, видѣлъ ихъ въ моемъ воображеніи возвращающихся изъ плѣна во свое отечество; потомъ поработенныхъ игу римлянъ и въ напряженной злости, происходящей отъ ревности къ святому закону, неизбѣжной ни въ какой религіи, и вопіющихъ: «кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Не имамы царя, токмо бесаря», и наконецъ разсѣянныхъ за бунтъ наилучшимъ изъ римскихъ государей по всему земному шару.

Я, всматриваяся въ новыя ихъ для меня лица и одѣянія, желалъ по нимъ проникнуть въ глубину древности, дабы найти:

*) Последнія строки со слова «дщи» — въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.
«РОССІЯ СТАРИНА», т. III. 1871 г. МАЙ.

не осталось-ли въ нихъ чего-нибудь такого, чѣмъ удовлетво-
ряется любопытство и самое любознательнѣе; однакожъ ничего дру-
гого не достигъ, кромѣ того, что они примѣтно похожи на сво-
ихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ серебро и золото,
по согласію святаго пророка Моисея, который потомъ, ушедши
съ ними и съ покаяніемъ изъ Египта, прошелъ чудеснымъ обра-
зомъ черезъ море, удостоился получить скрижали заветъ, и
тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ
бы генераль, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему
именное царское повелѣніе.

Увы! народъ возлюбленный Вѣчному! — такъ вѣщала мнѣ
задумчивость моя—ты почти непосредственно говаривалъ съ Бо-
гомъ, и безъ чудесъ ничего не начиналъ и не дѣлалъ. Наказа-
ніе египтянамъ за утѣсненіе тебя, раздѣленіе моря для про-
хода твоего, столпъ огненной ночью и облачной днемъ, оста-
новленіе солнца, паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, манна съ неба,
вода изъ камня, и проч... суть твоя слава и доказательство, что
ты былъ народъ возлюбленный Богу; ты теперь, какъ говорить
одинъ писатель, занимаешься на ярманкахъ «обрѣзываніемъ чер-
вонцевъ!» и потерявши собственную землю и «царствіе Божіе»,
обитаешь спокойно на иждивеніи языка, имѣющаго и то и другое.

Окруженъ мрачною неразрѣшимостью временъ, дѣяній, по-
вѣствованій, накупилъ я суконъ, полусуконъ, полотень, бати-
стовъ, платковъ, чулковъ и проч... и выѣхалъ обратно.

Въ Васильковѣ получилъ я отъ господина Болтина отвѣт-
ное къ преосвященному письмо, и прозрачную, на подобіе ян-
тарной, табакерку. Сей знаменитой авторъ и пошпино-собира-
тель, при всякомъ со мною разговорѣ, кормилъ своихъ журавлей.
Счастливы даръ природы, который довазываетъ, что великіе
люди могутъ въ одну пору заниматься многими дѣлами *).

Въ Кіевѣ митрополита нашелъ я страдающаго судорожными
припадками, почему и на письмо архіерея моего отвѣчать онъ

*) Иванъ Никитичъ Болтинъ, вполѣтствіи генераль-маіоръ, членъ воен-
ной коллегіи и російской академіи, р. 1734 г. Директоромъ васильковской та-
можни назначенъ въ 1776 г. на каковомъ мѣстѣ пробылъ до 1780 г. Умеръ въ
1792 г. Замѣчательное сочиненіе его: «Примѣчанія на исторію Россію Лек-
кера»—изд. въ 1788 г. въ 2-хъ томахъ. Извѣстная полемика Болтина съ кн.
Щербатовымъ принесла много пользы въ разработкѣ древняго періода отече-
ственной исторіи.

былъ тогда не въ силахъ. Я повторяю мое свиданіе со всѣми прежними кievознакомцами и получаю, въ знакъ благословенія, Кіевопечерскія лавры отъ отца архимандрита Зосимы Валькевича молитвенникъ и псалтирку, продолжалъ обратной путь.

Возвратившись въ СѢвскъ, далъ отчетъ о моемъ путешествіи и водворился въ мою отшельническую келью, гдѣ въ теченіе времени часто посѣщала меня мать моя, останавливались приѣзжавшіе къ архіерею гости, или по надобностямъ, духовныя и свѣтскія лица; забавлялись съ хозяиномъ гуслими; а скрипка была у меня въ запасѣ, для умѣющихъ. И келья моя и самый образъ жизни были между состояніемъ свѣтскимъ и монастырскимъ. За всѣмъ тѣмъ, я, противъ воли моей, всегда тревожился невѣдомо откуда происходившимъ вопросомъ: «что я теперь? и что буду впредь? и гдѣ мой хлѣбъ насущный?»

Сей непостижимый зародышъ вопроса мучилъ меня безпрестанно, и непримѣтно направилъ на стезю къ непостижимому Провидѣнію, управляющему судьбами человѣковъ. Я обратилъ къ нему мой непрерывной вздохъ и чѣмъ меньше видѣлъ для себя человѣческой помочи, тѣмъ болѣе находилъ справедливымъ, что человѣкъ, рожденный отъ подобныхъ себѣ и ими оставленный, принадлежитъ къ герольдіи добраго и всеобщаго Отца дѣтей. Мой душевный вопль часто опирался на томъ священномъ и моему состоянію приличномъ словѣ: что, когда люди, будучи по природѣ злы, даютъ просящимъ дѣтямъ своимъ хлѣбъ, то неужели самая Благость откажетъ мнѣ тогда, когда мнѣ попеченіе ея нужно?

Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, которыми давно уже запасся. Я сердился на пространство древнегреческой и римской исторіи, но былъ доволенъ переводившимъ оныя господиномъ Тредьяковскимъ, который, на отечественномъ языкѣ, много просвѣтилъ своихъ единосемцовъ. Употребленныя изрѣдка въ переводѣ сего достопочтеннаго мужа славянскія слова, придають много важности и силы историческому смыслу, несмотря на злословіе, истекающее отъ зависти тѣхъ славныхъ насѣвомыхъ, кои ни строкою полезною отечеству не услужили.

Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня какъ на девяти-

лѣтнемъ моемъ возрастѣ Бова-королевичъ *). Изъ російскихъ творцовъ, ни котораго я не читалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Сумарокова. — Я столько къ нему привыкъ, что могъ различать его стихотворенія и узнавать ихъ безъ надписи**), хотя бы ихъ еще и не читывалъ. Въ нѣкоторыхъ романическихъ сочиненіяхъ мѣста чувствительности, и пожертвованія, меня поражали. Но описанія обыкновеннаго волокитства приставали ко мнѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. «Чувства мои, говоритъ въ подобномъ случаѣ Фридрихъ Великій, не въ совершенствѣ къ тому сотворены».

Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа, Волтера и Монтескю, мнѣ внушилось, что проповѣди епископовъ греческаго—Или Менятія, російскаго—Гедеона Псковскаго, суть спасительныя правоученія, произведенныя усиленіемъ навыка, ограниченнаго властью закона. Но сочиненія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ челоуѣвовъ, и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Познакомившись съ хронологіею, мнѣ очень понравилась шутка одного иностраннаго писателя, который, въ переводѣ на російскій, говоритъ: «не диковинка выставить предъ свѣтомъ великими дѣла Александра Македонскаго, если онъ имѣлъ при себѣ секретаремъ Квинта Курція». Г. Д.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «между другихъ творцовъ». Ред.